

Алекс Рейн

Эхо сгоревших клавиш

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алекс Рейн

Эхо сгоревших клавиш

<https://litres.ru/73964131>

SelfPub; 2026

Аннотация

В 1974 году слепой пианист-вундеркинд Натаниэль сжег театр «Отражение» и исчез. Пятьдесят лет спустя он пробуждается на улицах мегаполиса 2024 года. Но теперь он — нестабильный призрак, чье тело рассыпается в прах, а уникальный дар видеть мир как музыку стал проклятием. Оглушительный шум современного города буквально убивает его.

Случайная встреча с компанией подростков во главе с Артёмом становится для Натаниэля единственным якорем в реальности. Но за его музыкальным гением уже охотится медиамагнат Громов, готовый на все, чтобы превратить синестезию призрака в абсолютное оружие контроля над людьми.

Сможет ли мальчик из прошлого спастись от технологий будущего? И какую цену придется заплатить в подпространстве абсолютной тишины, где до сих пор прячется его главный кошмар?

ВНИМАНИЕ! Роман выложен сразу полностью и **БЕСПЛАТНО** на всё лето. С 8 сентября книга станет **ПЛАТНОЙ**. Успеите прочитать историю до закрытия продаж! Подписывайтесь на автора, ваши лайки и отзывы очень важны! #

Содержание

Эхо сгоревших клавиш	4
Глава 1. Глушь и Гул	5
Глава 2. Театр теней	11
Глава 3. Прикосновение к настоящему	19
Глава 4. Чужак в 2024м	29
Глава 5. Убежище	49
Глава 6. Рваная реальность	71
Глава 7. Цифровой призрак	91
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Эхо сгоревших клавиш

Эхо сгоревших клавиш

Глава 1. Глушь и Гул

Старый внедорожник Артема, который он ласково называл «Танком», сейчас больше напоминал консервную банку, набитую раздраженными селедками. В салоне стоял густой замес из запахов дешевого энергетика, подсохшей пиццы и хвойного освежителя «елочка», который уже давно не справлялся со своей задачей.

— Тём, ну серьезно, я сейчас сдохну, — Кирилл, развалившийся на заднем сиденье между Дэном и Ильей, в очередной раз ткнул Артема в плечо. — Заверни на заправку. Там стопудово есть нормальный кофе и хоть какой-то вай-фай. У меня рилс висит на загрузке уже сорок минут, это же похороны охватов!

Артем, вцепившись в руль так, что костяшки пальцев побелели, даже не повернул головы. Его кожаная куртка сухо скрипнула, когда он чуть повернул руль, объезжая очередную яму на разбитой лесной дороге.

— Заткнись, Кир. Твои охваты подождут до города. Мы и так выбились из графика на три часа из-за того, что ты полчаса искал свои «счастливые» кроссовки в той канаве.

— Это были лимитки! — огрызнулся Кир, привычно клацнув крышкой своей Zipro. Металлический звук эхом отозвался в тесном пространстве.

— Убери это дерьмо, — подал голос Марк с переднего сиденья. Он сидел, идеально прямо пристегнутый ремнем, и листал на планшете какие-то графики. — В закрытом пространстве концентрация паров бензина от твоей подделки превышает все нормы. И вообще, Артем прав. Мы в трех часах от дома, а двигатель стучит так, будто в нем поселился очень злой гном с молотком.

Марк поправил очки в тонкой оправе. Его «стальной» голос, как всегда, действовал на компанию как ушат ледяной воды.

— Ой, ну началось, — Майя, сидевшая в багажном отделении, переделанном под чилл-зону на подушках, оторвалась от скетчбука. Её браслеты на запястьях звякнули, когда она заправила изумрудную прядь за ухо. — Марк, ты можешь хоть одну поездку не быть душным учебником химии? Мы просто едем домой. Расслабься.

— Я расслаблюсь, когда мы пересечем черту города, — отрезал Марк. — Пока что мы находимся в зоне с нулевым покрытием сети, на машине, которая дышит на ладан, посреди леса, который на картах обозначен как «заброшенная лесополоса». Это статистически небезопасно.

Дэн, который всё это время тихо дремал, привалившись к окну, встрепенулся:

— Ребят, не ссорьтесь. Смотрите, какой туман пошел. Красиво же.

Туман и правда, был странным. Он не наползал с низин,

а будто выдыхался самой землей — густой, молочно-белый, он лип к лобовому стеклу, превращая свет фар в два беспомощных желтых пятна.

— Красиво — это когда в инсте фильтр «Мордор», — проворчал Кир. — А это — декорации к фильму, где всех первыми убивают самых красивых. То есть меня.

Илья, сидевший рядом с ним, вздрогнул. Он всю дорогу молчал, надев капюшон и прикрыв глаза, но на самом деле он не спал. Он слушал.

— Тём, — тихо сказал Илья. Его голос, обычно ломкий и неуверенный, сейчас прозвучал странно твердо. — Остановись.

— Чего? — Артем мельком взглянул в зеркало заднего вида. — Илья, не начинай. Нам нельзя стоять.

— Звук изменился, — Илья подался вперед, почти касаясь плеча Артема. — Слышишь? Ритм сбился. Двигатель больше не стучит. Он... шепчет.

В ту же секунду из-под капота раздался звук, похожий на предсмертный вздох старого великана. Металлический скрежет, короткое шипение паров антифриза, и приборная панель разом погасла. Руль в руках Артема стал каменным — гидросилитель сдох.

— Мать твою! — Артем изо всех сил нажал на тормоз, ловя машину, которую начало вести на скользкой обочине.

Внедорожник замер, клюнув носом в мягкую грязь. Наступила тишина. Та самая абсолютная, вакуумная тишина,

которая бывает только в лесу в три часа ночи, когда даже птицы боятся дышать.

— Марк, — негромко сказал Кир, и в его голосе больше не было хайпа. — Скажи, что твоя статистика предсказала и это.

— Моя статистика говорит, что мы в полной заднице, — Марк отложил планшет. Экран устройства мигнул и погас. — Сети нет. Аккумулятор сел в ноль за секунду. Такого не бывает.

Артем ударил ладонью по рулю.

— Выходим. Надо посмотреть, что там.

Они высыпали из машины. Холодный воздух, пахнущий мокрой хвоей и чем-то неуловимо древним, мгновенно пробрал до костей. Артем открыл капот, и в небо поднялось облако белого пара.

— Фонарики! — скомандовал он.

Шесть лучей от смартфонов разрезали туман. Но свет не рассеивал тьму, он будто завязал в ней.

— Ребят... — Майя отошла от машины на несколько шагов, вглядываясь в просвет между деревьями. — А это что за хрень?

Все повернулись в ту сторону, куда указывал её фонарик.

В сотне метров от дороги, за покосившимся кованым забором, обросшим диким плющом, возвышалось здание. Оно не должно было здесь находиться. Огромный, величественный скелет старого театра, с колоннами, похожими на ребра

монстра, и массивным фронтоном, который когда-то украшали музы. Сейчас музы были безглазы и безруки, а сквозь дырявую крышу чернело ночное небо.

— Старый театр «Отражение», — прошептал Илья. Он медленно пошел к забору, словно ведомый невидимой нитью. — Я читал о нем. Он сгорел в семидесятых. Считалось, что его давно снесли.

— Видимо, у бульдозеров сдали нервы, — Кир попытался пошутить, но голос предательски дрогнул. Он поднял телефон, пытаясь поймать хоть одну палочку связи. — Глухо. Как в могиле.

Артем посмотрел на двигатель, потом на театр.

— Там может быть сторожка. Или старый телефон. Нам нужно укрытие, скоро пойдет дождь.

— Тём, ты серьезно? — Дэн поежился, натягивая рукава своей серой толстовки на ладони. — Это место выглядит... неправильно. Оно как будто смотрит на нас.

— У нас есть выбор? — Марк поправил очки. — Сидеть в остывающей машине или попытаться найти людей. Илья, что ты слышишь?

Илья замер у ворот. Он закрыл глаза и наклонил голову.

— Ничего, — шепнул он. — Там внутри... тишина такая густая, что её можно потрогать. Но в самом центре... там кто-то плачет. Нет, не плачет. Там кто-то настраивает струну. Одну и ту же ноту. Снова и снова.

— Всё, у него поехала крыша, — Кир нервно щелкнул за-

жигалкой. — Идемте. Только быстро. Зайдем, найдем связь и свалим.

Они толкнули ржавую калитку. Она не закрипела — она издала долгий, протяжный стон, который, казалось, ушел глубоко в землю. Когда последний из них переступил пороги территории театра, туман за их спинами сомкнулся, отрезая дорогу и машину, превращая мир в одно-единственное место.

Театр ждал. В его пустых окнах-глазницах не было отражений, но глубоко внутри, там, где когда-то была сцена, Натаниэль поднял голову.

Он не видел их лиц. Но он услышал, как тишина его пятидесятилетнего одиночества разбилась о шесть разных сердец. Одно билось быстро и панически (Неон), другое — тяжело и уверенно (Индиго), третье — ритмично и холодно (Сталь), а остальные он не решился рассматривать.

Натаниэль коснулся обгоревшей клавиши рояля. Звука не было, но в его голове прозвучал первый аккорд.

Симфония началась.

Глава 2. Театр теней

Калитка за их спинами не просто закрылась — она будто отрезала само воспоминание о том, что где-то там, за пеленой тумана, осталась трасса, заправки с дешёвым кофе и их привычная, понятная жизнь. Здесь, на территории театра «Отражение», воздух был другим. Он казался тяжёлым, наэлектризованным, с привкусом старого железа и далёкой гари, которая, по всем законам физики, должна была выветриться ещё полвека назад.

— Тём, может, всё-таки вернёмся в машину? — Дэн сильнее натянул капюшон своей толстовки. — Ну, посидим до утра, подождём лесовозов...

— В машине сдох аккумулятор, Дэн, — Артем шёл впереди, освещая путь мощным фонарём. Луч света выхватывал из темноты куски растрескавшегося асфальта, сквозь который пробивались уродливые, почерневшие ветки кустарника. — Если ночью ударит минус, мы там околеем. В театре должна быть хоть какая-то каморка сторожа.

— Или привидение оперной дивы, — Кир шёл следом, нервно вертя в руках выключенный телефон. — Прикиньте, какой был бы контент. «Шестеро блогеров пропали в лесу». За такое и жизнь отдать не жалко, да, Марк?

Марк, шедший чуть поодаль, даже не удостоил его взгляда.

дом. Он внимательно смотрел под ноги.

— Кир, если ты не перестанешь генерировать звуковой мусор, я лично оставлю тебя здесь в качестве жертвенного агнца. Вы заметили?

— Что? — Майя обернулась, её браслеты тихо звякнули в тишине.

— Туман, — Марк указал фонариком назад. — Он не заходит за ограду. Видите? Он стоит ровной стеной прямо по линии забора. Как будто внутри... другое атмосферное давление. Или другая плотность реальности.

Майя посмотрела назад. И правда — белая муть тумана застыла у ржавых прутьев, не смея пересечь границу. Это было противоестественно.

Они подошли к парадному входу. Огромные дубовые двери, обитые потускневшей медью, были приоткрыты, словно приглашая войти. Над ними, на потемневшем от копоти мраморе, всё ещё можно было разобрать буквы: «Т Е А Т Р».

— Заходим, — скомандовал Артем.

Внутри их встретил запах, который невозможно забыть. Это был запах застывшего времени. Пыль, бархат, старая бумага и тонкий, почти призрачный аромат дамских духов, который вьелся в стены так глубоко, что даже пожар не смог его вытравить.

Их фонарики начали метаться по вестибюлю. Огромные зеркала в золочёных рамах были покрыты слоем серой пыли, в которой отражения ребят казались размытыми тенями.

— Смотрите, — Илья указал на пол.

На пыльном ковре, ведущем к главной лестнице, были видны следы. Но не их — маленькие, босые следы человеческих ног, которые вели напрямиком в главный зал. И они были свежими.

— Сторож — хоббит? — Кир попытался усмехнуться, но его голос сорвался на хрип.

— Это не смешно, — Майя подошла ближе к следу. — Здесь нет пыли внутри следа. Кто-то прошел здесь пару минут назад.

— Натаниэль... — внезапно прошептал Илья.

— Что ты сказал? — Артем обернулся к нему.

— Я не знаю, — Илья прижал ладони к ушам. — Это имя. Оно просто... зазвучало у меня в голове. Как высокая нота на расстроенной скрипке. Ребят, здесь музыка. Слышите?

Все замерли. Вначале была тишина. Но потом, откуда-то из-за массивных дверей зрительного зала, донесся звук. Это не была мелодия. Это был одиночный удар по клавише рояля.

Ля.

Тишина.

Снова удар.

Ля.

Звук был чистым, резонирующим, он будто проходил сквозь кости.

— Это просто сквозняк, — сказал Марк, хотя его голос

заметно дрогнул. — Сквозняк гуляет по залу, нажимает на клавиши разбитого инструмента. Логика, народ. Держимся логики.

— Сквозняк не оставляет следов, Марк, — Артем решительно шагнул к дверям зала.

Он толкнул их. Петли взвизгнули так громко, что Дэн невольно вскрикнул. Зал предстал перед ними во всем своем мертвом величии.

Ряды кресел, обтянутых некогда красным бархатом, теперь напоминали ряды могильных холмов. Огромная люстра лежала на полу, разбитая вдребезги, её хрустальные подвески тускло поблескивали в свете их фонарей, как зубы павшего дракона.

В самом центре сцены, залитой холодным светом луны, пробивавшимся сквозь провал в потолке, стоял он.

Черный рояль. Он казался единственной целой вещью в этом хаосе. Его лакированная крышка блестела так, будто его только что натерли воском.

А за роялем сидел силуэт.

Маленький, хрупкий подросток в белой рубашке, которая казалась слишком яркой для этого места. Его спина была идеально прямой. Он не шевелился.

— Эй! — крикнул Артем, его голос гулким эхом отразился от галерки. — Ты кто такой? Ты здесь один?

Фигура не обернулась. Подросток медленно поднял руку

и снова нажал на клавишу.

Ля.

— Извините, — Дэн сделал шаг вперед, опережая Артема. — У нас машина сломалась. Нам нужна помощь. Вы нас слышите?

В этот момент луч фонарика Артема скользнул по фигуре. И все шестеро одновременно втянули воздух.

Мальчик за роялем был полупрозрачным. Сквозь его плечо были видны обгоревшие кулисы за его спиной. Его волосы были абсолютно белыми, как снег, а на глазах...

— Боже мой, — Майя закрыла рот рукой.

Вместо глаз у подростка были сплошные белые шрамы. Жуткие, рваные ожоги, которые превратили его лицо в маску застывшей боли. Он медленно повернул голову в сторону света.

Натаниэль не видел их фонариков. Он видел Гул.

Для него эти шестеро были шестью столбами вибрирующей энергии.

Один — спокойный и глубокий (Сумеречно-фиолетовый).

Другой — яркий, живой, как молодая трава после дождя(Изумруд).

Третий — теплый, обволакивающий, пахнущий медом и хлебом (Янтарь).

Нат вздрогнул. Столько жизни в одном месте не было здесь пятьдесят лет. Это было слишком громко. Слишком

ярко. Его шрамы на глазах запульсировали от боли, реагируя на «свет» их душ.

— Уходите... — шелест его голоса был едва слышен, но он прозвучал в головах у каждого. — Скоро придет Директор. Он не любит, когда мешают репетиции.

— Какой директор? — Артем сделал еще шаг. — Парень, тут никого нет. Театр заброшен уже полвека!

Натаниэль замер. Его прозрачные пальцы судорожно вцепились в край рояля.

— Полвека? — повторил он, и в этом слове была такая бездна отчаяния, что Илья не выдержал и сделал шаг к сцене.

— Мы тебе поможем, — сказал Илья. — Как тебя зовут?

— Натаниэль, — шепнул мальчик. — Или просто... Нат. Музыка закончилась. Почему я всё еще здесь?

В этот момент где-то наверху, на галерке, раздался отчетливый, сухой звук.

Клац.

Звук открываемого портсигара или... зажигалки.

Натаниэль закричал. Это был не человеческий крик, а высокая, разрывающая уши нота, от которой в зале лопнули остатки уцелевших оконных стекол. Его тело начало мерцать, превращаясь в вихрь серого пепла и белого шума.

— Назад! — рявкнул Артем, хватая Дэна за шиворот.

Но Дэн не отступил. Он видел, как мальчик-призрак буквально рассыпается от ужаса. Инстинктивно, не думая о последствиях, Дэн рванулся вперед, заскочил на сцену и схва-

тил Натаниэля за прозрачные плечи.

— Тише! Мы здесь! Я тебя держу! — закричал Дэн.

В момент этого касания произошло то, чего не мог предсказать ни Марк со своей логикой, ни Илья со своей интуицией.

Янтарный свет Дэна вспыхнул так ярко, что на мгновение ослепил всех остальных. Воздух в зале загустел, став горячим и плотным.

Когда свет погас, ребята увидели невероятное.

Дэн всё ещё стоял на сцене, тяжело дыша. А в его руках, вцепившись в его серую толстовку, сидел Натаниэль.

Он больше не был прозрачным.

Он был плотным. Бледным, дрожащим, с ледяной кожей и белыми шрамами на глазах, но он был настоящим. Его сердце под тонкой кожей рубашки билось быстро-быстро, как у пойманной птицы.

— Он... он теплый, — прошептал Дэн, чувствуя, как мальчик судорожно вдыхает воздух, который не чувствовал пятьдесят лет.

— Это невозможно, — Марк выронил фонарик. — Это биологически невозможно.

— К черту биологию, — Майя уже была на сцене. Она сорвала с себя шарф и начала укутывать ледяные руки Натаниэля. — Он живой. Он просто ребенок.

Натаниэль поднял лицо к Дэну. Его белые глаза-шрамы

были направлены куда-то в пустоту, но он улыбался. Слабой, болезненной улыбкой.

— Твой звук... — прошептал он. — Твой звук пахнет домом.

Снаружи, за стенами театра, туман внезапно рассеялся. Но на небе не было звезд. Там была только пустота.

Шестеро друзей и один мальчик из прошлого стояли в центре пепелища. И где-то в глубине коридоров они отчетливо слышали тяжелые, размеренные шаги.

Директор шел проверять, почему прервалась репетиция.

— Уходим, — Артем первым пришел в себя. Он подхватил Натаниэля на руки — тот оказался легким, как связка сухих веток. — Быстро к машине! Плевать, заведется она или нет! Уходим отсюда!

Они бежали сквозь фойе, мимо запыленных зеркал, в которых теперь отражался еще один человек. Лишний. Смертельно бледный. Из другого времени.

Когда они выскочили на улицу, внедорожник Артема вспыхнул фарами сам собой, без ключа в зажигании. Двигатель взревел, разрезая ночную тишину.

Мир 2024 года принял их обратно. Но теперь он уже никогда не будет прежним.

Глава 3. Прикосновение к настоящему

Внедорожник Артёма нёсся по ночной трассе так, будто за ними гнались все демоны ада сразу. Двигатель, который ещё десять минут назад был мёртвым куском железа, теперь ревел ровно и мощно, словно питался не бензином, а тем первобытным страхом, который шестеро друзей вынесли из руин театра.

В салоне стояла тяжёлая, липкая тишина.

Натаниэль сидел на заднем сиденье, зажатый между Дэном и Ильёй. Он казался неестественно маленьким. Его тонкие плечи, обтянутые ветровкой Майи, постоянно вздрагивали. Он не двигался, не пытался нащупать опору, только его пальцы — длинные, с прозрачной, почти пергаментной кожей — судорожно впивались в ткань сиденья.

— Артём, сбавь скорость, — негромко сказал Марк. Он единственный сидел неподвижно, не сводя глаз с Натаниэля через зеркало заднего вида. — Нас остановит патруль, и как ты объяснишь парня с белыми шрамами вместо глаз и в одежде пятидесятилетней давности?

— Я вообще не знаю, как я это всё объясню! — Артём сорвался на крик, но тут же понизил голос, заметив, как Ната-

ниэль вздрогнул от его тона. — Марк, ты видел это? Он был прозрачным. Я видел сквозь него чёртов рояль! А теперь... Дэн, он всё ещё плотный?

Дэн осторожно, почти боясь дышать, положил руку на плечо Натаниэля.

— Да. Но он очень холодный. Как будто... как будто он только что вышел из погреба. Но он дышит. Я чувствую это.

Натаниэль медленно повернул голову в сторону Дэна. Его белые шрамы на глазах в свете встречных фар казались светящимися рубцами.

— Ваша колесница... — прошептал он. Его голос был сухим, как шелест старой бумаги. — Она пахнет яростью. И... горелым маслом. Почему она так кричит?

— Колесница? — Кир, сидевший в багажном отсеке на подушках, нервно хихикнул. — Чувак, это внедорожник. Машина. Автомобиль. Ты что, реально из леса не выходил с семидесятых?

Натаниэль не ответил. Он подался вперёд, пригнувшись к воздуху.

— Ветер... он пахнет пластмассой. И чем-то сладким. Мир стал... химическим.

— Это мой вейп, извини, — Кир поспешно убрал электронную сигарету в карман. — Блин, ребят, мы реально везём призрака. Я сейчас сознание потеряю.

— Заткнись, Кир, — Майя сидела рядом с ним, обняв колени. Она не сводила взгляда с затылка Натаниэля. — Смот-

рите на его руки.

Все посмотрели. Кончики пальцев Натаниэля в тени салона снова начали терять чёткость. Они становились размытыми, как при плохой фокусировке камеры.

— Он исчезает! — вскрикнул Илья. — Тём, он снова тает!

— Это из-за того, что вы орёте! — Дэн инстинктивно при-тянул Натаниэля к себе, накрывая его своей огромной серой толстовкой, как щитом. — Нат, всё хорошо. Мы рядом. Мы не в театре. Слышишь? Мы живые. Мы твои друзья.

Янтарное свечение Дэна, которое видел только Натаниэль, снова стало плотным. Нат выдохнул, и его пальцы обрели твёрдость.

— Твоё тепло... — прошептал он, утыкаясь лицом в мягкую ткань толстовки. — Оно звучит как колыбельная. Не от-пускай. Если ты отпустишь, я рассыплюсь на ноты, которые никто не захочет играть.

Артём ударил по тормозам так резко, что всех качнуло вперёд. Машина остановилась у края ярко освещённой за-правки. Огромный логотип «ВР» заливал асфальт ядови-то-зелёным светом.

— Нам нужно выйти, — сказал Артём, тяжело дыша. — Нам нужно умыться, купить воды и... Марк, посмотри его. Ты же в меде учишься. Проверь его как врач.

— Я учусь на втором курсе, Артём, — холодно отозвал-ся Марк. — Нас учили лечить людей, а не эхо из прошлого. Но... я попробую.

Они вышли из машины. Ночной воздух трассы был наполнен шумом пролетающих фур. Для Натаниэля каждый звук проезжающего грузовика был подобен удару молота по наковальне. Он вышел из машины, опираясь на Дэна и Майю. Его ноги в старых кожаных туфлях подкашивались на ровном асфальте.

— Что это за огни? — Нат поднял лицо к неоновым вывескам. Он закрыл лицо рукой, шрамы на глазах начали пульсировать красным. — Свет... он злой. Он не греет. Он режет.

— Это неон, Нат, — Майя осторожно взяла его за руку. — Это просто реклама. Пойдём, мы зайдём внутрь, там тише.

Когда они подошли к дверям заправки, Натаниэль внезапно замер. Фотоэлемент сработал, и стеклянные двери бесшумно разъехались в стороны.

Нат вскрикнул и отпрянул, едва не повалив Дэна.

— Она живая! Стеклянная стена... она съела воздух!

— Спокойно, Нат, это автоматика, — Кир уже пришёл в себя и начал ловить момент. — Смотри, подходишь — открывается. Никакой магии, просто датчики.

Натаниэль стоял перед дверью, дрожа всем телом. Для него это было крушением основ мироздания. В его 1974-м двери открывали люди. Стеклянные стены не двигались сами по себе.

Они завели его внутрь. Свет заправки бил в глаза, как прожектор на допросе, но в то же время был каким-то плоским, неживым — не то что солнечный свет или пламя свечи.

Нат стоял посреди зала, среди полок с чипсами, газировкой и глянцевыми журналами, и выглядел как пришелец с другой планеты. Посетитель за кассой — сонный дальнбойщик — медленно повернул голову, разглядывая странную компанию.

— Парни, капюшон! — шикнул Артём.

Дэн быстро накинул капюшон толстовки на голову Натаниэля, скрывая белые волосы и шрамы.

— Марк, води его в туалет, — скомандовал Артём. — Майя, купи еды. Самой простой. Никаких бургеров, что-нибудь человеческое. Хлеб, воду, может, яблоки.

В узком коридоре у туалетов Марк завёл Натаниэля к раковинам. Он включил воду. Нат вздрогнул от шума струи, но когда Марк поднёс его руки к воде, мальчик замер.

— Вода... — прошептал он. — Она такая же. Она не изменилась.

Марк внимательно наблюдал за ним. Он достал из кармана небольшой фонарик — тот самый, медицинский. Луч света дрогнул в его руке.

— Натаниэль, послушай меня. Я сейчас посвечу тебе в глаза. Мне нужно понять... что там.

— Там ничего нет, — тихо ответил Нат. — Директор забрал всё утром. Он сказал, что если я буду видеть мир, я буду отвлекаться от музыки. Он хотел, чтобы я видел только ноты внутри головы.

Марк осторожно приподнял веко Натаниэля. То, что он

увидел, заставило его, будущего хирурга, повидавшего анатомичку, отпрянуть. Сетчатка была не просто повреждена — она была превращена в сплошной белый рубец. Рисунок ожога был чётким, круглым, с идеально ровными краями.

Марк замер, пытаясь осмыслить увиденное. В голове всплыло: прикуриватель. Автомобильный прикуриватель. Ожог идеальной круглой формы.

— Прикуриватель... — выдохнул Марк. — Автомобильный прикуриватель. Боже...

— Он пахнет калёным железом, — Нат безучастно опустил голову. — И солью. Когда он прижимал его к моим глазам, он плакал. Он говорил, что это сделает мой слух абсолютным.

Марк выключил фонарик. Его руки дрожали. Логика скептика начала давать трещины, уступая место холодной, обжигающей ярости.

— Мы не сдадим его, Артём, — сказал Марк, когда они вышли обратно в зал.

Артём, который в это время покупал канистру антифриза, обернулся.

— Ты о чём?

— Я о том, что это не «феномен», — Марк подошёл вплотную к лидеру группы. — Это жертва. И тот, кто это сделал, не просто Директор. Это садист. Я посмотрел шрамы. Ему выжигали глаза медленно. Профессионально. Что-

бы он не ослеп окончательно сразу, а мучился.

В этот момент к ним подошла Майя. В руках она держала бумажный пакет с едой.

— Нат уснул прямо на плече у Дэна, — шепнула она. — Ребят, он такой лёгкий. Я когда его под локоть брала, мне показалось, что я держу пустоту, завёрнутую в одежду.

— Нам нужно убежище, — Артём расплатился и кивнул в сторону выхода. — Мой гараж в старом кооперативе. Там есть диван, тепло и, главное, там нет камер. Если Громов или кто-то ещё узнает, что мы вывезли его из театра... нам конец.

Они вышли на улицу. Натаниэль уже не сопротивлялся. Он шёл, прижавшись к Дэну, его сознание начало меркнуть. Современный мир с его шумом, неоном и запахом химии оглушил его — как будто кто-то включил сразу тысячу радиоприёмников, и все они вещали на разных языках.

— Он дышит? — тихо спросил Илья, коснувшись запястья Натаниэля.

— Да, — Дэн приложил ладонь ко лбу мальчика. — Но он весь горит. Или это я просто от холода не чувствую разницы...

— У него температура, — уверенно сказал Марк. — Стресс, шок, плюс этот процесс «таяния» — его организм не справляется с переходом в наш мир.

— То есть он сейчас... болеет? — Майя поправила капюшон на голове Натаниэля, чтобы скрыть его лицо от случайного прохожего.

— В каком-то смысле, — Марк нахмурился. — Его состояние — это как реакция отторжения трансплантата. Он не должен быть здесь. Театр — его среда обитания. А мы вытащили его оттуда.

— И что теперь? — Кирилл замедлил шаг. — Вернём обратно?

— Нет, — резко ответил Дэн. — Мы его не бросим.

— Дэн прав, — Артём хлопнул дверью машины. — Мы уже ввязались. Теперь надо думать, как помочь.

Когда они грузились в машину, Кир, который всё это время что-то лихорадочно искал в телефоне, внезапно побледнел.

— Ребят... смотрите.

Он развернул экран смартфона. Это была старая, оцифрованная газета 1974 года. Заголовок гласил: «Трагедия в театре „Отражение“. Юный гений Натаниэль погиб в огне. Директор театра в глубоком трауре».

На зернистом фото был изображён Натаниэль — тот самый мальчик, который сейчас сидел на их заднем сиденье. Только на фото у него были открытые, ясные, глубокие чёрные глаза. Взгляд спокойный, уверенный, с лёгкой улыбкой. Рядом стоял высокий мужчина в тёмном костюме — вероятно, тот самый Директор.

На мгновение все замерли. Даже вечно суесящийся Кир застыл с телефоном в руке.

— Он не просто пропал, — прошептал Кир. — Его офи-

циально похоронили. Пятьдесят лет назад.

Натаниэль, казалось, услышал эти слова даже сквозь полусон. Его ресницы дрогнули. Он чуть повернул голову в сторону экрана, будто пытаясь разглядеть изображение своими шрамами-глазами.

— Похоронили? — прошептал он так тихо, что только Дэн, сидевший рядом, смог разобрать слова. — Значит, они поставили точку... Не дождались.

В его голосе прозвучала такая глубокая, многолетняя печаль, что у Майи защемило в глазах.

— Нат, мы не поставим точку, — она осторожно коснулась его плеча. — Мы напишем новую главу.

Мальчик слабо улыбнулся — впервые с момента их встречи.

— Новая глава... — повторил он. — Интересно, какой будет её тональность?

Артём завёл мотор.

— Значит, сегодня мы официально совершили самое странное воскрешение в истории, — он бросил взгляд в зеркало заднего вида. — Поехали. В гараж.

Машина рванула с места, унося их прочь от огней заправки, вглубь ночи, где время и реальность окончательно потеряли свои границы. Ветер свистел в окнах, а где-то далеко, за горизонтом, небо начинало светлеть — первые признаки приближающегося рассвета.

Но Натаниэль этого не видел. Он спал, прижавшись к пле-

чу Дэна, и во сне его пальцы чуть подрагивали, словно перебирали клавиши невидимого рояля. А где-то в глубине театра «Отражение», в зале с разбитой люстрой, старый рояль тихо заиграл сам по себе. Одна нота. Потом другая. Симфония без дирижёра начала свой отсчёт.

Глава 4. Чужак в 2024м

«Танк» Артёма вырвался на федеральную трассу, и мир вокруг тринадцатилетнего Натаниэля окончательно сошёл с ума.

В его времени, в 1974 году, ночь была чёрной. Она пахла сырой землёй, печным дымом из частного сектора у театра и тяжёлым, честным запахом бензина АИ-93. Ночь была временем тишины, прерываемой лишь редким рокотом проезжающего «ЗИЛа» или далёким гудком паровоза. Здесь же ночь кричала.

Натаниэль вжался в угол заднего сиденья, пытаясь буквально врасти в обивку. Он не видел огней, но его выжженная сетчатка, превращённая в белое месиво шрамов, пульсировала от боли. Каждый пролетающий мимо автомобиль был для него не машиной, а кометой из режущего, «холодного» света. Фары современных иномарок — ксенон, светодиоды, лазерная оптика — прошивали его веки насквозь, оставляя внутри головы вспышки, похожие на электрические разряды.

— Почему... Почему небо горит? — прошептал он, закрывая лицо ладонями. Его голос дрожал так сильно, что зубы выбивали дробь.

— Это город, Нат, — Дэн, сидевший справа, осторожно коснулся его локтя. Его «янтарное» тепло было единственным, что удерживало тринадцатилетнего Натаниэля от того, чтобы окончательно рассыпаться в пепел. — Мы приближаемся к развязке. Там много фонарей.

— Фонари? — Натаниэль всхлипнул. — Фонари светят мягко. Они... они жёлтые. Как свечи, только в стекле. А это... это не свет. Это злые иглы. Они колют мой мозг.

Майя, сидевшая впереди, обернулась. Её изумрудный цвет в восприятии Натаниэля тревожно мерцал.

— Тём, выключи подсветку приборки на минимум! — крикнула она. — И планшет Марка уберите! Ему больно от этого синего свечения!

Марк послушно захлопнул крышку планшета.

— Световое загрязнение, — констатировал он своим сухим, «стальным» тоном. — Для человека с его чувствительностью современный город — это сенсорная перегрузка. Артём, не гони так, на кочках его подбрасывает, он теряет плотность.

Артём молча сбросил скорость до шестидесяти. Он вёл машину, вцепившись в руль так, что кожа на костяшках натянулась до прозрачности. В зеркале заднего вида он видел только капюшон серой толстовки Дэна, под которым прятался мальчик из прошлого — всего тринадцать лет, но с глазами, которые видели слишком много боли.

Натаниэль попытался сосредоточиться на звуках, чтобы

отвлечься от боли в глазах. Но звуки были ещё страшнее. В 1974-м механизмы пели. Мотор «Волги» Директора урчал, как сытый кот. Шелест шин по асфальту был похож на шёпот листвы. Здесь же всё выло.

— Почему всё так... свистит? — спросил Натаниэль, не отнимая рук от лица.

— Это турбины, Нат, — подал голос Илья. Он сидел слева от мальчика и почти не дышал, замороженный тем, как «звучит» Натаниэль. Для Ильи Нат был похож на расстроенную виолончель, брошенную под ливень. — И аэродинамика. Машины теперь режут воздух, а не толкают его.

— Воздух... он больше не пахнет воздухом, — Натаниэль судорожно вдохнул. — Он пахнет пластиком. И... горелым сахаром?

— Это вейп Кира, — буркнула Майя. — Кир, выкинь эту дрянь в окно, живо!

— Да я уже убрал! — огрызнулся Кирилл, который сидел сзади, среди сумок. Его неоновно-лимонный цвет вибрировал от возбуждения.

Огни города надвигались, становясь всё ярче, всё агрессивнее, словно хищники, готовые поглотить его. Натаниэль чувствовал, как его тело начинает подрагивать в такт мигающим вывескам, как шрамы на глазах пульсируют в унисон с ритмом светофоров. Он сжал кулаки, пытаясь удержать себя в этом чуждом мире, где всё было слишком громким, слишком ярким, слишком... чужим.

— Я не могу... — прошептал он. — Слишком много всего. Оно давит. Оно хочет меня сломать.

Дэн крепче сжал его локоть.

— Держись, Нат. Мы почти на месте. Ещё немного — и будет тихо. Обещаю.

Кирилл не унимался. Его неоново-лимонный цвет вибрировал всё сильнее, словно заряженный энергией ночного города.

— Нат, а ты помнишь, как в твоём времени кино показывали? — он подался вперёд, почти перегибаясь через спинки сидений. — Ну, там, в кинотеатрах? У вас же были кинотеатры, да? Или вы всё по телевизору смотрели?

Натаниэль медленно опустил руки от лица. Его белые глаза-шрамы уставились в темноту перед собой, но видел он не дорогу, освещённую фарами встречных машин, а зал старого кинотеатра «Родина» — с облезлой лепниной на потолке и запахом попкорна, который тогда ещё не делали.

— Кинотеатры были, — его голос звучал глухо, будто доносился издалека. — В «Родине» по выходным крутили «Чапаева». Билет стоил сорок копеек. Мы с Аней... — он запнулся. — Мы ходили по воскресеньям.

— Сорок копеек? — Кир присвистнул. — Да сейчас один билет в IMAX столько стоит! А у вас там что, звук был? Или немое кино?

— Кир, заткнись, — тихо, но твёрдо сказал Артём, не отрывая взгляда от дороги. Его «индиго» сгустилось, стало тя-

жёлым, как свинец. — Не видишь, что ли? Ему и так плохо.

— Да я просто интересуюсь! — Кирилл откинулся назад.

— Это же исторический момент, ребята! Мы везём живого свидетеля эпохи! Нат, а Брежнева ты видел? Ну, по телеку? Или Гагарин? Ты же должен помнить Гагарина, он же недавно летал...

Натаниэль сжал кулаки. Его шрамы на глазах начали пульсировать, наливаясь красным.

— Телевизор... — он говорил медленно, словно вытаскивал слова из глубокой ямы памяти. — Он был чёрно-белым. В нём всегда шёл снег, если антенна плохо стояла. Директор заставлял меня смотреть концерты классической музыки. Он говорил, что я должен видеть, как сидят великие, чтобы не горбиться за роялем.

— А сейчас в телике 4К, бро, — Кир не мог остановиться. Его голос звенел от возбуждения. — Там картинка сочнее, чем в жизни. И смартфоны... Ты прикинь, у каждого в кармане весь мир! Все библиотеки, все песни, всё видео... Можно даже в прямом эфире посмотреть, как где-то в Австралии сейчас кенгуру прыгает!

— Заткнись, Кир! — хором крикнули Артём и Майя.

Но было поздно. Натаниэль внезапно прижал ладони к ушам. Его дыхание стало прерывистым, а пальцы снова начали терять плотность, становясь полупрозрачными.

— Весь мир в кармане... — прошептал он, и в его голосе послышался неподдельный ужас. — Это же... это же с ума

сойти можно. Где же тогда прятаться? Если мир везде... где тишина? Где можно просто быть одним?

В салоне повисла тяжёлая пауза. Даже Кирилл притих, почувствовав, как изменилась атмосфера. Марк молча достал блокнот и начал что-то записывать, его «стальной» взгляд стал ещё более сосредоточенным.

— Нат, послушай, — Майя повернулась к нему. Её изумрудный цвет стал мягким, обволакивающим. — Не всё так страшно. Люди не пользуются этим постоянно. Многие любят тишину, книги, прогулки в лесу...

— Но возможность есть у всех, — Натаниэль не поднял глаз. — И это меняет людей. В моём времени, если кто-то выделялся, его... его забирали. Директор говорил, что общество должно быть единым. Что любое отклонение — угроза стабильности.

— Здесь не так, — твёрдо сказал Артём. — Здесь можно быть другим. Можно быть странным. И тебя не заберут.

— Правда? — Натаниэль впервые за долгое время посмотрел прямо на Артёма. В его белых глазах читалась такая глубокая, выстраданная надежда, что у всех в машине что-то ёкнуло внутри.

— Правда, — Артём кивнул. — Клянусь.

В этот момент машина проезжала под огромным рекламным щитом с LED-панелью. Экран внезапно сменил картинку — с тёмно-синего ночного фона на ослепительно-белую рекламу стирального порошка. Салон внедорожника на се-

кунду залило светом, ярким, как при ядерном взрыве.

Натаниэль вскрикнул. Его тело в руках Дэна на мгновение стало прозрачным, как стекло. Дэн почувствовал, как пальцы Натаниэля, вцепившиеся в его рукав, превратились в холодный туман.

— Нат! Нат, нет! — Дэн закричал, пытаясь обнять пустоту. — Вернись! Майя, он тает!

Артём ударил по тормозам, едва не влетев в отбойник. Машина замерла на обочине, под защитой тени от высокого моста.

— Тише, тише... — Дэн прижал голову Натаниэля к своей груди, закрывая его своей толстовкой, как коконом. — Я здесь. Мы в тени. Мы в тени, слышишь? Свет ушёл. Его больше нет.

Майя перелезла со своего сиденья назад, едва не сломав подлокотник. Она схватила Натаниэля за руку, нащупывая плотность.

— Нат, почувствуй меня. Я Майя. Помнишь? Мы не дадим свету тебя забрать.

Постепенно, очень медленно, очертания Натаниэля начали восстанавливаться. Его пальцы снова обрели вес, дыхание стало хриплым и частым. Он глубоко вздохнул и открыл глаза.

— Он... он слишком сильный, — прошептал Натаниэль, не вылезая из-под толстовки Дэна. — Этот ваш мир... он хочет меня растворить. В нём слишком много всего. Слишком

много людей, слишком много искр. Слишком много возможностей...

— Мы тебя спрячем, — Артём повернулся к ним, его лицо в полумраке казалось высеченным из камня. — Обещаю. Мы едем в гараж. Там стены из кирпича и железа. Ни один луч этого дерьма туда не проберётся. Там будет тихо. Там будет темно. И мы будем рядом.

Дэн крепче обнял Натаниэля.

— Слышишь, Нат? Мы будем рядом. Всегда.

Натаниэль закрыл глаза. Впервые за долгое время он позволил себе поверить, что это может быть правдой.

Марк закрыл блокнот и положил его на колени. Его «стальной» оттенок стал чуть мягче, но взгляд оставался предельно сосредоточенным.

— Артём, — произнёс он тихо, почти шёпотом, чтобы не потревожить Натаниэля, который всё ещё лежал, прижавшись к Дэну. — У него начался шок. Если мы сейчас не дадим ему чего-то привычного, его психика просто схлопнется. У него перегрузка всех сенсоров. Он держится на волоске.

— Что ему дать привычного? — Артём развёл руками, не отрывая взгляда от дороги. — У нас 2024 год на дворе! Где я ему возьму 1974-й?

В салоне повисла тяжёлая тишина. Даже Кирилл притих, его неоновый-лимонный цвет потускнел, словно разряженная батарейка. Майя закусила губу, лихорадочно перебирая в

уме всё, что могло бы помочь.

— Музыка, — неожиданно произнёс Илья. Он поднял голову, и его фиолетовый оттенок заиграл новыми переливами. — Нат, ты слышал Моцарта? Или Шопена?

Натаниэль под толстовкой Дэна замер. Его пальцы, всё ещё полупрозрачные на кончиках, слегка дрогнули.

— Ноктюрн ми-бемоль мажор... — шепнул он. — Директор заставлял меня играть его по четыре часа подряд, если я фальшивил в Бахе. Говорил, что я не чувствую ритма времени.

Илья быстро достал телефон. Его пальцы замелькали по экрану — он искал запись в Hi-Res качестве, без цифровой обработки, максимально приближенную к живому звучанию. Найдя нужную композицию, он помедлил секунду, затем протянул один наушник под капюшон Натаниэля.

— Послушай. Это не неон. Это просто звук. Настоящий.

Натаниэль вздрогнул, когда холодный пластик коснулся его уха. Он хотел отпрянуть, но первые звуки фортепиано — мягкие, глубокие, очищенные от цифрового шума — остановили его. Он замер. Для всех остальных в машине наступила тишина. Только из наушника доносилось едва слышное звяканье молоточков по струнам.

Лицо Натаниэля начало разглаживаться. Его шрамы перестали пульсировать яростным красным, сменяясь мягким розоватым оттенком. Он глубоко вздохнул, и его пальцы, наконец, обрели полную плотность.

— Он... он играет на «Стейнвее», — прошептал Нат. — Старый инструмент. Я слышу дерево. Оно тёплое. Оно... оно настоящее.

— Вот видишь, — Илья улыбнулся, и его фиолетовый цвет обволок Натаниэля успокаивающим облаком. — Не всё в этом мире пластмассовое. Кое-что мы сохранили. Кое-что осталось настоящим.

Дэн осторожно погладил Натаниэля по плечу.

— Ты слышишь, Нат? Есть вещи, которые не меняются. Музыка — одна из них.

— Да... — Натаниэль медленно сел прямо. Его дыхание выровнялось, а глаза, хоть и оставались белыми, больше не пульсировали. — Музыка... она как река. Течёт сквозь времена.

Майя облегчённо выдохнула.

— Отлично, — она повернулась к Артёму. — Теперь можно ехать дальше. Но медленно, пожалуйста. И избегай ярких мест.

Артём кивнул и плавно включил передачу. Машина тронулась с места. Теперь они ехали медленнее, выбирая самые тёмные улицы, объезжая центральные проспекты и рекламные щиты. Натаниэль сидел, закрыв глаза, и в его голове Шопен сражался с шумом ночного города. Это была его первая битва за право существовать в этом времени.

И пока, благодаря шестерым незнакомцам, которые почему-то решили его не бросать, он её выигрывал.

Кирилл, до этого молчавший, наклонился вперёд.

— Нат, — его голос звучал непривычно тихо. — Прости, что я... ну, болтал много. Я не хотел тебя напугать. Просто... это так невероятно — встретить кого-то из прошлого.

— Я понимаю, — Натаниэль открыл глаза и впервые за долгое время посмотрел на Кирилла прямо. — Ты просто любопытствовал. Как ребёнок.

— Ну, я и есть ребёнок, — Кирилл неловко усмехнулся. — По крайней мере, в душе.

Все невольно рассмеялись. Напряжение, сковывавшее салон, начало рассеиваться.

— Так, — Марк снова открыл блокнот. — Пока едем, давайте проговорим план. Нам нужно обеспечить Натаниэлю безопасную среду. Никаких резких звуков, минимум яркого света. И первое, что сделаем на месте — организуем ему нормальное место для отдыха.

— У меня в гараже есть старый диван, — сказал Артём. — И спальник. Будет тепло и удобно.

— А я могу подобрать ещё записей, — предложил Илья. — Подберу что-нибудь в аналоговом звучании, без цифровой обработки. Так будет комфортнее.

— И еды надо что-то простое, — добавила Майя. — Без яркой упаковки, без резких запахов. Что-то, что не будет его раздражать.

Натаниэль слушал их разговоры, и впервые за долгое время в его груди разливалось странное чувство. Это было не

просто облегчение — это было ощущение принадлежности. Он больше не был один в этом чуждом мире. У него появились люди, которые заботились о нём.

— Спасибо, — тихо произнёс он. — За то, что вы есть.

— Не за что, — Артём улыбнулся в зеркало заднего вида.

— Мы команда, Нат. И мы не бросим тебя.

Машина медленно катилась по тёмным улицам окраинного района, словно пробираясь сквозь вязкий кисель ночи. Артём вёл её осторожно, объезжая ярко освещённые перекрёстки и рекламные щиты, чьи LED-экраны мигали, обещая счастье в кредит. Фары «Танка» были приглушены до минимума — так, чтобы видеть дорогу, но не тревожить Натаниэля.

Тот сидел, прижавшись к окну, и впервые за долгое время просто смотрел. Не вздрагивал от вспышек, не закрывал глаза руками. Его шрамы больше не пульсировали — они оставались бледно-белыми, почти спокойными. В груди мальчика что-то начало оттаивать: страх постепенно уступал место робкому любопытству.

— Здесь... тише, — прошептал он, прижимая ладонь к запотевшему стеклу. — И воздух другой. Пахнет... землёй. И металлом.

— Да, — кивнул Артём, сворачивая на узкую дорогу, ведущую вглубь гаражного кооператива. Его голос звучал непривычно мягко. — Чем дальше от центра, тем меньше неона. Скоро будем на месте.

Фонари здесь горели через один, отбрасывая неровные тени на ржавые ворота боксов. Некоторые лампы мерцали, словно уставшие светлячки, готовые вот-вот погаснуть. Воздух стал чище — пахло землёй, металлом и чем-то старым, забытым. Натаниэль глубоко вдохнул и чуть заметно улыбнулся, впервые за много часов.

— Пахнет временем, — сказал он. — Не новым. Не чужим. А старым. Как в моём 1974-м. Как в подвале театра, где я прятался после репетиций.

Кирилл, сидевший сзади, невольно подался вперёд. Его неоновно-лимонный цвет потускнел, утратив прежнюю агрессивную яркость.

— В подвале? — переспросил он уже без прежней напористости, почти робко. — А что ты там делал?

Натаниэль помолчал, словно решая, стоит ли делиться этим. Его пальцы слегка дрогнули, будто вспоминая клавиши старого пианино.

— Отдыхал, — наконец произнёс он. — Там было тихо. И пахло деревом от старых декораций. Иногда я брал с собой кусок хлеба с вареньем и сидел там часами. Директор не любил, когда я «тратил время впустую», но... там я был свободен. Хоть ненадолго.

Майя обернулась, её изумрудный цвет мягко коснулся ауры Натаниэля, обволакивая его успокаивающим облаком.

— Значит, мы нашли тебе новое место для отдыха, — улыбнулась она. — Только теперь ты не будешь прятаться.

Ты будешь там, где тебя ждут.

Артём остановил машину у ворот с номером 47. Выключил фары. В салоне наступила почти полная тишина — лишь тихо урчал остывающий двигатель да где-то вдалеке слышался гул проезжающих машин.

— Вот и наш дом на ближайшее время, — Артём достал из кармана брелок и нажал кнопку. Ворота медленно поползли вверх, открывая вид на тёмное помещение с бетонным полом, полками вдоль стен и старым верстаком в углу. В дальнем конце виднелся стеллаж с канистрами, а у стены стоял старый диван с потрёпанной обивкой — его пружины местами выпирали, пробивая ткань. — Не дворец, конечно, но зато тихо и безопасно. Никаких камер, никаких неоновых вывесок. Только кирпичи, железо, тишина и мы.

Он открыл дверь и вышел наружу. Остальные последовали за ним. Натаниэль замешкался на пороге, неуверенно переступая с ноги на ногу. Его взгляд метался по помещению, пытаясь охватить всё сразу: тёмные углы, инструменты на стене, следы времени на каждой поверхности.

— Заходи, — Дэн ободряюще положил руку ему на плечо. — Всё хорошо. Мы рядом.

Мальчик сделал шаг внутрь. Огляделся, медленно вдыхая затхлый воздух с запахом машинного масла, старой ветоши и чего-то неуловимо родного. Его пальцы перестали мерцать, а дыхание выровнялось. Он подошёл к дивану, провёл рукой по его потрёпанной обивке, словно проверяя реальность.

— Здесь пахнет... домом, — прошептал он.

Марк подошёл ближе, его «стальной» оттенок стал мягче, почти серебристым.

— Это временное убежище, — сказал он, — но мы сделаем его комфортным. Первым делом — освещение. Никаких светодиодов. Только тёплый жёлтый свет, как от керосиновой лампы.

— У меня есть переносной фонарь, — Майя достала из сумки компактный прибор. — С регулировкой яркости.

Она включила его, и мягкий жёлтый свет залил помещение, не режа глаза, а обволакивая их теплом. Натаниэль закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Впервые за много часов его плечи расслабились, а шрамы перестали пульсировать. Он опустился на диван, осторожно, будто ожидая, что тот исчезнет. Но диван был настоящим — жёстким, скрипучим, но настоящим.

— Спасибо, — прошептал он.

— Не за что, — Артём хлопнул дверью гаража и опустил ворота. Звук защёлкивающегося замка прозвучал как обещание безопасности. — Теперь главное — понять, как помочь тебе освоиться в этом мире. И как защитить. От всего, что может тебя напугать.

Все переглянулись. Впереди их ждали долгие разговоры, планы и, возможно, новые опасности. Но сейчас, в этом старом гараже, они впервые почувствовали, что у них есть шанс. Что они — команда. И что Натаниэль больше не один.

Илья подошёл к Натаниэлю и протянул руку.

— Добро пожаловать домой, — сказал он просто.

Натаниэль посмотрел на протянутую ладонь, затем — на лица ребят вокруг. В его белых глазах-шрамах что-то дрогнуло. Он осторожно вложил свою руку в ладонь Ильи.

— Спасибо, — повторил он уже твёрже. — За то, что вы есть.

— Мы будем рядом, — подтвердил Артём. — Всегда.

В гараже стало тихо. Где-то за стенами шумел город 2024 года, но здесь, внутри, время словно остановилось. В этом маленьком убежище, где пахло машинным маслом и старым деревом, зарождалась новая история — история дружбы, принятия и борьбы за то, чтобы чужак из 1974 года нашёл своё место в чуждом для него мире.

Дэн присел рядом с Натаниэлем на диван.

— Завтра начнём с малого, — сказал он. — Прогуляемся по двору, посмотрим на звёзды. Без машин, без рекламы. Просто небо. Хочешь?

Натаниэль кивнул, впервые за долгое время позволяя себе улыбнуться.

— Хочу, — ответил он. — Просто небо... это хорошо.

В гараже повисла уютная тишина, нарушаемая лишь редкими звуками ночного города за стенами. Мягкий свет фонаря Майи создавал вокруг небольшой круг безопасности — в нём лица ребят казались почти сказочными, а тени отбрасывались длинные и причудливые.

Марк достал блокнот и ручку. Его «стальной» оттенок снова стал чётким, деловитым.

— Так, — он открыл чистую страницу. — Давайте распределим обязанности по нашему плану. Первое: нужно обеспечить Натаниэлю безопасную среду. Никаких резких звуков, минимум яркого света. Никаких внезапных вспышек. Второе: нам нужен план на ближайшие дни. Где брать еду? Как скрыть его присутствие от посторонних?

Артём кивнул, присаживаясь на старый ящик у стены.

— У меня есть запас продуктов в машине, — сказал он. — Консервы, крупы, чай. Но надолго его не хватит.

— Я могу сходить в магазин завтра утром, — предложила Майя. — Куплю что-нибудь простое, без яркой упаковки. И без резких запахов — чтобы не тревожить Ната.

— Хорошая идея, — Марк записал что-то в блокнот. — Список я составляю: крупы, хлеб, овощи, фрукты, чай... Никаких чипсов с кислотными упаковками, никаких газированных напитков с мигающими бутылками. Всё максимально нейтральное.

— И ещё, — добавил Марк, — нужно понять природу его состояния. Почему он мерцает? Что вызывает эти вспышки? Нат, ты можешь описать, когда это происходит чаще всего?

Натаниэль, который до этого молча наблюдал за разговором, слегка вздрогнул.

— Когда... когда слишком много всего сразу, — медленно произнёс он. — Свет, звук, запахи. Всё сливается в одну

боль. И тогда я чувствую, что растворяюсь. Как будто этот мир не хочет меня держать. Он слишком... яркий. Слишком быстрый.

— Понятно, — Марк аккуратно записал. — Сенсорная перегрузка. Нам нужно создать для тебя режим постепенного привыкания. Начинаем с малого.

— А я могу помочь с музыкой, — предложил Илья. — Подберу записи в аналоговом звучании, без цифровой обработки. Так будет комфортнее. У меня есть коллекция винила — Шопен, Моцарт, Бах. То, что ты знаешь и помнишь.

— Отлично, — кивнул Марк. — План на завтра: Майя — за продуктами, Илья — за музыкой, Артём — проверяет безопасность гаража, Дэн и Кир — организуют спальное место для Натаниэля. Я займусь изучением возможных научных объяснений его состояния. Есть пара гипотез...

— Звучит разумно, — согласился Артём. — Нат, тебе сейчас нужно отдохнуть. Давай устроим тебя поудобнее.

Дэн подошёл к дивану, стряхнул пыль и расстелил на нём спальник.

— Ложись, — он похлопал по месту рядом с собой. — Здесь будет тепло и безопасно. Мы все рядом.

Натаниэль медленно опустился на диван. Впервые за долгое время он почувствовал, что может расслабиться. Вокруг были люди, которые не боялись его, не отталкивали, а пытались понять и помочь. Он оглядел лица ребят — спокойное «индиго» Артёма, мягкий «изумруд» Майи, сосредото-

ченный «сталь» Марка, тёплый «фиолетовый» оттенок Ильи, чуть виноватый неоновно-лимонный цвет Кирилла.

— Спасибо... — снова прошептал он.

— Спи, — тихо сказал Дэн. — Завтра будет новый день. И мы будем рядом.

Кирилл, до этого молчавший, подошёл ближе.

— Нат, — его голос звучал непривычно серьёзно. — Прости за сегодня. За вопросы, за болтовню... Я не хотел тебя пугать. Просто... это так невероятно — встретить кого-то из прошлого.

— Я понимаю, — Натаниэль слегка улыбнулся. — Ты просто любопытствовал. Как ребёнок.

— Ну, я и есть ребёнок, — Кирилл неловко усмехнулся. — По крайней мере, в душе.

Все невольно рассмеялись. Напряжение, сковывавшее их весь вечер, окончательно рассеялось.

Майя подошла к Натаниэлю и поправила край спального.

— Отдыхай, — сказала она. — Мы всё устроим. Ты больше не один.

Илья достал гитару, которую привёз с собой, и тихо заиграл простую мелодию — без слов, без сложных аккордов, просто успокаивающие звуки. Натаниэль закрыл глаза. В его сознании звуки переплетались с запахами гаража — машинного масла, старого дерева, металла. Это было странно, но... правильно.

Постепенно в гараже стало совсем тихо. Ребята располо-

жились вокруг Натаниэля: кто на ящиках, кто прямо на полу, кто прислонился к стене. Каждый думал о своём, но все были едины в одном: они не бросят этого странного мальчика из прошлого. Не дадут ему исчезнуть.

За стенами гаража шумел город 2024 года — мигали неоновые вывески, гудели машины, звенели сигналы смартфонов. Но здесь, внутри, время словно остановилось. В этом маленьком убежище, где пахло машинным маслом и старым деревом, зарождалась новая история — история дружбы, принятия и борьбы за то, чтобы чужак из 1974 года нашёл своё место в чуждом для него мире.

Натаниэль уже почти спал, когда сквозь дремоту услышал шёпот Дэна:

— Мы тебя не оставим, Нат. Обещаю.

И впервые за очень долгое время мальчик из 1974-го года уснул спокойно, зная, что его охраняют.

Глава 5. Убежище

Первое утро за пятьдесят лет встретило его не привычной пудрой закулисья и не терпким запахом типографской краски утренних газет, а чем-то совершенно иным. Оно пахло бетонной пылью, остывшим железом и едким, но странно успокаивающим духом трансмиссионного масла — запахом, который, казалось, мог бы прожечь дыру в памяти о прошлом.

Натаниэль открыл глаза — вернее, разомкнул веки, за которыми всё так же клубился привычный молочный туман. Он лежал неподвижно под тяжёлым ворсистым пледом на диване Артёма, прислушиваясь к звукам за пределами своего «бункера».

Снаружи, за железными воротами, мир уже проснулся. Он гудел низким, бесконечным басом — звуком сотен моторов, которые сливались в одну торжествующую ноту прогресса. Но здесь, внутри, царил полумрак, разбавленный лишь тусклым светом старой лампы под потолком.

Грохот засова заставил его вздрогнуть. Створка ворот со скрежетом отъехала в сторону, впуская струю холодного воздуха и хаотичный шум голосов.

— ...я тебе говорю, там такой кринж в комментах начался, — голос Кирилла ворвался в тишину гаража вместе с запахом свежесваренного кофе. — Кто-то всё же снял Ната

и пост с заправки уже репостнули в местный паблик. Типа «Зомби-апокалипсис на трассе М-10». Если это завирусится, нам придётся его в багажнике прятать.

— Завали, Кир, — огрызнулся Артём. Его шаги были тяжёлыми и уверенными. — Марк сказал, что надо чекать инфу, а не наводить панику. Майя, ты взяла зарядку? У меня телефон сдох пару часов назад.

— Взяла, взяла. И завтрак тоже, — Майя прошла к столу, её браслеты зазвенели, как крошечные колокольчики. — Дэн вообще в магазине завис, выбирал «правильные» яблоки без ГМО. Как будто Нату сейчас до состава продуктов. У парня явно жёсткий флешбэк от всего происходящего.

Натаниэль медленно сел на диване. Он слушал их, и в его голове слова рассыпались, как битое стекло. Кринж. Репост. Паблик. Вируситься. Локация. ГМО. Флешбэк.

Это были русские звуки, но они не складывались в смыслы. Для него это звучало так, будто ребята говорят на секретном шифре, где каждое второе слово — это щелчок механизма или короткий удар по клавише.

— Доброе утро, — тихо сказал Натаниэль.

Голоса мгновенно стихли. Пятеро друзей обернулись к дивану. В полумраке гаража, в своей огромной серой толстовке, Натаниэль выглядел как потерянный принц из сказки, которую все забыли.

— О, Нат, проснулся! — Кир первым подскочил к нему, размахивая своим смартфоном. — Слушай, бро, сорян за

вчерашний движ на заправке. Но ты не парься, мы сейчас всё порешаем. Я чекнул охваты — пока всё в рамках, никто не понял, что ты... ну, из театра.

Натаниэль замер, глядя в сторону голоса Кирилла.

— Кирилл... — медленно произнёс он, пробуя слова на языке. — Что такое «бро»? И почему я не должен «париться»? Я не в бане. И... что такое «чекнул охваты»? Это какая-то военная операция?

Кирилл застыл с открытым ртом. Майя прыснула в кулак, а Марк, стоявший у стеллажа с инструментами, медленно поднял голову от своего блокнота.

— Кир, я же говорил тебе, — Марк поправил очки. — Лингвистический барьер. Пятьдесят лет социальной изоляции плюс естественная эволюция языка. Ты для него звучишь как радиопомехи.

Майя подошла к дивану и присела на край, отодвигая Кира плечом. Её «изумрудный» свет сегодня был мягким, утренним.

— Нат, прости нас. Мы совсем забыли. Мы говорим... слишком быстро и странно для тебя, да?

Натаниэль кивнул. Он протянул руку и коснулся ворса пледа.

— Ваши слова... они как острые камни. Они короткие. Злые. В моё время люди говорили длинно. Слова были как ленты — они тянулись, сплетались в предложения. А вы... вы бросаете их, как пули. Что такое «кринж»? Это название

болезни?

— Почти, — Майя грустно улыбнулась. — Это когда тебе очень стыдно за кого-то другого. Например, за поведение того мужчины на заправке. Мы называем это «кринж».

— Стыд... — Натаниэль задумался. — Зачем придумывать новое слово для стыда? Стыд — это хорошее слово. В нём слышится шорох совести. А в вашем «кринже» — только хруст сухого печенья.

— Фигасе... — прошептал Кир. — «Шорох совести». Тём, слышишь? Он говорит как поэт из учебника литературы.

Артём подошёл к ним, неся в руках пластиковый стакан с кофе. Он выглядел усталым — видимо, не спал всю ночь, карауля ворота.

— Нат, — Артём постарался говорить медленнее, подбирая слова. — Мы... мы беспокоимся. В этой маленькой чёрной коробочке, — он указал на телефон Кира, — люди теперь хранят картинки. И твоё лицо теперь там. Мы боимся, что тебя найдут плохие люди. Это мы называем «паникой».

Натаниэль повернул голову к Артёму.

— Плохие люди всегда находят то, что хотят сломать, Артём. Директор находил меня в самом тёмном углу закулисья. Но вы... вы другие. Вы говорите «зачекиниться», но в ваших голосах я слышу заботу. Это странно. Вы кажетесь грубыми и быстрыми, но ваши души... они светятся старыми цветами.

В этот момент в гараж ворвался Дэн, неся два огромных бумажных пакета. От него пахло свежим хлебом и чем-то сладким.

— Всем привет! Нат, я принёс еду! Настоящую! — он побежал к дивану, сияя своим «янтарным» светом. — Там в пекарне такие круассаны... ой, Нат, ты же не знаешь, что такое круассан? Это как рогалик, только из Франции.

Натаниэль слабо улыбнулся. Дэн был единственным, кого он понимал почти без перевода — не по словам, а по интонации.

— Рогалик... это я знаю. Анна Петровна покупала их в буфете. Они стоили шесть копеек.

— Шесть копеек... — Дэн на мгновение замер, заглядывая в пакет, где лежал чек на семьсот рублей. — Ну, сейчас они стоят чуть дороже, Нат. Но вкус почти такой же. Попробуешь?

Натаниэль протянул руку и коснулся бумажного пакета. Его пальцы задрожали.

— Бумага... — он погладил пакет. — Она настоящая. Она шуршит так же, как в моём времени. А ваши слова... Илья, почему вы так спешите? Почему вы не называете вещи своими именами?

Илья, который сидел в углу у своего синтезатора, поднял голову.

— Мы боимся тишины, Нат, — тихо сказал он. — Поэтому мы забиваем её короткими, громкими звуками. Люди на-

зывают это «сленгом». Это как броня. Чтобы никто не догадался, что нам тоже страшно.

Натаниэль вздохнул и взял из рук Дэна тёплый рогалик-круассан.

— Вы странные люди, — сказал он, поднося еду к лицу и вдыхая аромат масла и муки. — Вы живёте в мире, где двери открываются сами, а слова умирают, не успев родиться. Но вы спасли меня. Значит, ваше время не такое уж плохое. Просто оно очень... шумное.

Марк сделал пометку в блокноте: «Адаптация проходит через сенсорные якоря: запах хлеба, тактильность бумаги. Речевой барьер — критический фактор. Избегать англицизмов при контакте».

Первое утро в 2024 году началось. Натаниэль откусил кусочек круассана и замер. Вкус был другим — слишком сладким, слишком насыщенным, почти искусственным. Но тепло хлеба было настоящим. И это было всё, что ему требовалось, чтобы не исчезнуть прямо сейчас.

Дэн с энтузиазмом фокусника извлекал из бумажного пакета сокровища современной пищевой индустрии. На низком монтажном столике, который временно служил обеденным, выстроилась целая армия ярких упаковок.

— Смотри, Нат, это йогурт, — Дэн протянул ему пластиковый стаканчик с ярким изображением лесной малины. — Очень полезно. Сливочный вкус, кусочки ягод. Тебе понравится.

вится, это мягко.

Натаниэль осторожно взял стаканчик двумя пальцами. Он долго изучал глянцевую поверхность, бликующую под лампой гаража.

— Пластиковая кружка... — прошептал он. — Но у неё нет ручки. И... она закрыта металлической бумагой?

— Это фольга, — Майя присела рядом, наблюдая за ним с любопытством художника. — Просто потяни за этот язычок.

Натаниэль потянул. Резкий звук разрываемой фольги заставил его вздрогнуть. Но настоящим ударом стал запах. Как только крышка открылась, пространство гаража заполнил густой, приторный аромат «идентичной натуральной» малины. Он был настолько сильным и концентрированным, что Нат невольно отпрянул, едва не выронив стаканчик.

— Он... он кричит, — Нат закрыл нос ладонью. — Этот запах... он слишком громкий. Как будто в одну маленькую банку заперли целое поле ягод и заставили их орать во всё горло. В моём времени малина пахла дождём и лесом. А это... это пахнет духами Директора, только сладкими.

— Это ароматизаторы, Нат, — Марк, не отрываясь от своего блокнота, сделал пометку. — Концентрация эфирных масел и синтетических соединений в десять раз выше природной. Твои рецепторы не привыкли к такой атаке.

Натаниэль всё же решился попробовать. Дэн протянул ему пластиковую ложечку. Нат долго изучал её — невесомую, белую, безжизненную. В его мире ложки были тяжёлы-

ми, из мельхиора или алюминия, они имели вкус металла. Эта же не имела вкуса вовсе.

Он зачерпнул розовую массу и отправил в рот. Его лицо мгновенно изменилось. Он замер, медленно проглатывая субстанцию.

— Ну как? — с надеждой спросил Дэн.

— Она... — Натаниэль сглотнул и посмотрел на стаканчик с подозрением. — Она не требует усилий. Она исчезает во рту сама, не оставляя ничего, кроме этого странного, колючего сахара. Это не еда. Это... обман чувств. Как будто я съел облако, которое покрасили в розовый цвет.

— Добро пожаловать в эру фастфуда, бро, — Кир хохотнул, вскрывая банку колы. — У нас всё такое. Быстро закинул, получил дозу глюкозы и побежал дальше чекать ленту.

Звук вскрываемой банки — резкое, шипящее «пш-ш-шт» — заставил Натаниэля подпрыгнуть на диване. Он уставился на чёрную бурлящую жидкость в руках Кирилла.

— Она... она дышит? — Нат подался вперёд, вглядываясь в лопающиеся пузырьки. — Она живая?

— Это углекислый газ, Нат, — Дэн поспешно перехватил инициативу, понимая, что Нат сейчас окончательно уйдёт в «истаивание» от стресса. — Просто пузырьки воздуха. Освежает. Хочешь глоток?

Натаниэль взял банку. Холодный металл обжёг пальцы. Он поднёс её к лицу, и колкие брызги коснулись его носа. Нат чихнул и осторожно отхлебнул.

Секунду спустя он закашлялся, прижимая ладонь к горлу. Его «белый шум» в глазах на мгновение вспыхнул яростным неоновым светом.

— ОНА ЖИВАЯ И ЗЛАЯ! В ней тысячи крошечных ос, они жалят мой язык! Зачем вы пьёте то, что причиняет боль? — воскликнул Натаниэль, вытирая слёзы с глаз.

— Это называется «газировка», Нат, — Майя отобрала у него банку. — Мы привыкли. Нам кажется, что это весело. Но для тебя это, должно быть, и правда как взрыв на языке.

Натаниэль бессильно откинулся на спинку дивана. Его плечи поникли.

— Ваше время... оно не только шумное. Оно едкое. Вы едите пластик, пьёте колючую тьму и говорите словами, которые ничего не значат. Скажите... — он поднял лицо к Артёму, который всё это время стоял в дверях, наблюдая за «дегустацией». — Неужели во всём вашем 2024 году не осталось ничего простого? Ничего, что пахнет землёй и теплом?

Артём молча посмотрел на Дэна. Тот, почувствовав вину, быстро залез во второй пакет и достал оттуда большое, неровное, зелёное яблоко, которое он купил у бабушки у входа в пекарню.

— Вот, — Дэн протянул его Нату. — Оно не из пачки. Оно с дерева. Настоящее.

Натаниэль взял яблоко. Он долго ощупывал его шероховатую кожицу, вдыхая тонкий, едва уловимый аромат сада и осени. Пальцы чувствовали каждый бугорок, каждую впа-

динку — настоящее, живое, не похожее на гладкую пластиковую упаковку. На его лице впервые за утро появилось выражение покоя. Он откусил кусочек. Хруст был сочным, живым, словно эхо далёкого лета.

— Оно... оно молчит, — прошептал Натаниэль, пережёвывая. — Оно не пытается меня оглушить. У него есть вкус осени. Спасибо, Дэн.

— Завтра привезу домашнего творога, — пообещал Дэн, вытирая руки о джинсы. — Обещаю, никаких ароматизаторов.

Натаниэль ел яблоко медленно, сосредоточенно, словно через этот вкус он заново выстраивал свою связь с миром. Его плотность в восприятии ребят стала стабильной. Янтарный свет Дэна окутывал его, создавая зону тишины в этом хаотичном, химическом утре.

— Послушайте, — сказал Марк, закрывая блокнот. — Если мы будем пичкать его современным сахаром и химией, мы сожжём ему нейронные связи быстрее, чем это сделал Директор своими тренировками. Нам нужно составить рацион. Только натуральные продукты. Никакого «колючего» питья.

— И никаких наушников с басами, пока я не настрою звук, — добавил Илья из своего угла. — Нат, ты готов увидеть... это?

Илья указал на синтезатор, стоящий на стойке. Тонкая чёрная доска с десятками кнопок и ползунков выглядела в

полумраке гаража как панель управления космическим кораблём.

Натаниэль отложил огрызок яблока. Его длинные пальцы непроизвольно задрожали.

— Электрическая музыка... — прошептал он. — Директор говорил, что это костыли для бездарностей. Что звук должен рождаться из дерева и натяжения жилы. Но я... я слышу, как эта чёрная коробка гудит. У неё есть голос, Илья? Или только гул проводов?

— У неё есть все голоса мира, Нат, — Илья подошёл к инструменту. — Нам нужно только найти твой.

В гараже воцарилась тишина, которую в 2024 году называли бы «звонящей», но для Натаниэля она была наполнена низкочастотным гулом. Он слышал, как течёт ток по проводам, как вибрирует старая лампа над верстаком, как бьются шесть разных сердец вокруг него. Но всё это перекрывал странный, холодный «шёпот» чёрного устройства, которое Илья называл синтезатором.

— Подойди, Нат, — тихо позвал Илья. Он стоял у инструмента, и его фиолетовое свечение сейчас было глубоким, как ночное небо. — Он не укусит. Это не прикуриватель. Это... просто математика, превращённая в колебания воздуха.

Натаниэль медленно поднялся с дивана. Плед соскользнул с его плеч, обнажая хрупкую фигуру в серой толстовке. Он шёл по бетонному полу гаража осторожно, словно боялся, что каждый шаг может разрушить эту хрупкую реальность.

Он остановился перед инструментом. Длинная чёрная панель с десятками кнопок, ползунков и крошечным светящимся экраном выглядела враждебно.

— У него нет струн, — прошептал Натаниэль, протягивая дрожащую руку, но не решаясь коснуться клавиш. — У него нет деки. Где живёт звук? В этой пластмассовой пустоте?

— Звук живёт в импульсах, — Илья коснулся одного из регуляторов. — В чистых волнах. Директор учил тебя, что музыка — это дерево и пот. Но здесь музыка — это свет.

— Музыка не может быть светом — Нат горько усмехнулся, и его белые шрамы на глазах болезненно сократились. — Свет слепит. Свет причиняет боль. А музыка... она должна убаюкивать, обнимать, как мамины руки.

— Попробуй, — Артём подошёл ближе, его «индиго» создавало защитный купол вокруг них. — Просто нажми одну клавишу. Самую простую.

Натаниэль зажмурился. Его пальцы — длинные, с тонкими узловатыми суставами истинного пианиста — замерли над первой октавой. Он помнил тяжесть клавиш старого «Стейнвея» в театре. Помнил, как нужно было продавливать сопротивление механики, чтобы извлечь глубокое, бархатное до.

Он нажал.

Клавиша ушла вниз подозрительно легко, почти невесомо. В ту же секунду гараж заполнил звук.

Илья заранее выставил пресет «Warm Felt Piano» — мяг-

кое, приглушённое пианино, в котором был слышен даже виртуальный стук фетровых молоточков. Звук был объёмным, окутывающим, лишённым резких цифровых верхов.

Натаниэль отдёргнул руку так, будто его ударило током.

— Он... он дышит, — выдохнул он, хватаясь за край стойки. — Я слышу, как дерево ударяет по струне. Но здесь нет дерева! Илья, как ты это сделал?! Ты украл душу у настоящего рояля и запер её в эту чёрную коробку?

— Мы называем это сэмплированием, — Марк сделал пометку в блокноте, его «стальной» голос звучал почти благоговейно. — Цифровой слепок реальности. Мы взяли лучшее от прошлого и перевели в код, чтобы оно не старело.

— Не старело... — Натаниэль снова коснулся клавиш, на этот раз смелее. Он взял простой аккорд — ля-минор. — Значит, эта машина... она тоже застряла во времени? Как и я? Она играет звуки, которых больше нет?

— Она играет звуки, которые вечны, — Майя подошла сбоку, её изумрудный свет мягко подсвечивал профиль Натаниэля. — Нат, ты можешь сделать звук любым. Хочешь, он будет звучать как море? Или как ветер в пустом театре?

Илья быстро повернул несколько ручек, добавляя «реверберацию» и «дилей». Натаниэль нажал ещё одну ноту. Звук не умер сразу, как на обычном пианино. Он начал медленно уплывать, отражаясь от невидимых стен, множась и затухая где-то в бесконечности, словно эхо в пустом зале театра «Отражение».

Нат замер. Его лицо, обычно напряжённое и скорбное, начало разглаживаться. Он сел на высокий табурет, который подставил Дэн. Его пальцы начали бегать по клавишам — сначала неуверенно, пробуя непривычную лёгкость механики, а затем всё быстрее и властнее.

Он не играл мелодию. Он исследовал само пространство звука.

— Оно... оно не кончается, — шептал он, и его голос вибрировал в такт синтезатору. — Я отпускаю клавишу, а музыка продолжает жить. Она летит... она больше не привязана к земле. Илья, Директор врал. Электричество — это не костыли. Это крылья.

— Смотрите на него! — вскрикнул Кир, забыв про свой телефон. — Он сияет!

И это было правдой. С каждым новым аккордом тело Натаниэля начинало излучать мягкий, золотистый свет. Его контуры, ещё утром размытые и прозрачные, становились чёткими, плотными. Янтарный свет Дэна и фиолетовый Илья смешивались с его собственным сиянием, создавая в гараже невероятную, мистическую ауру.

Натаниэль начал играть серьёзнее. Это был Бах — «Прелюдия № 1 до мажор». Но в его исполнении на синтезаторе она звучала не как строгое упражнение, а как рождение новой вселенной. Звук был чистым, лишённым пыли веков.

— Он играет... как бог, — прошептал Илья, опускаясь на колени рядом с инструментом. — Я учился в консервато-

рии десять лет, но я никогда не слышал такой чистоты. В его пальцах нет страха ошибиться. Есть только радость от того, что звук его больше не ранит.

Натаниэль играл, и его белые глаза-шрамы были направлены в потолок гаража. Для него больше не было бетона и мазута. Он видел каскады света, видел, как ноты превращаются в золотые нити, связывающие его с этим странным, шумным и едким 2024 годом.

Вдруг он резко остановился. Последняя нота повисла в воздухе, медленно растворяясь в тишине.

— Что случилось? — Артём шагнул вперёд.

Натаниэль медленно опустил руки. Его пальцы всё ещё дрожали.

— Я слышу... фальшь, — сказал он, поворачивая голову к Марку.

— Какую фальшь? — Марк нахмурился. — Инструмент идеально настроен. Цифра не может расстроиться.

— Не в машине фальшь, — Натаниэль встал, опираясь на синтезатор. — В ваших сердцах. Вы говорите мне, что здесь я в безопасности. Но вы... вы боитесь. Вы боитесь того, что я — мертвец. И этот страх звучит как расстроенная струна на самом краю регистра.

Ребята переглянулись. В гараже стало холодно.

— Нат, мы просто... — начал Дэн, но замолчал под пристальным «взглядом» белых шрамов.

— Вы боитесь, что я исчезну, если вы перестанете в меня

верить, — продолжал Натаниэль. — И вы правы. Я — это не плоть. Я — это резонанс вашей доброты. Но сейчас... я слышу другой звук. Далеко-далеко. Кто-то... кто-то зовёт меня по имени. Не так, как вы. По-другому.

— Кто? — Артём напрягся, его рука инстинктивно легла на засов ворот.

— Женщина, — Натаниэль закрыл лицо руками. — Она пахнет яблоками и старым театром. Она плачет. Она говорит, что ждала меня пятьдесят лет. Аня...

— Аня? — Марк мгновенно насторожился. Он достал телефон и начал что-то быстро записывать. — Билетерша? Ты говорил что-то про неё в театре. Нат, она еще может быть жива?

Натаниэль пожал плечами.

— Ей было шестнадцать. Она была... как весна. Но весна не может длиться пятьдесят лет, верно?

— Пятьдесят лет... — Кир подал голос из угла. Он сидел на перевернутом ведре, вертя в руках разбитый телефон. — Нат, ты понимаешь, что сейчас 2024 год? Мы улетели в космос, изобрели интернет, научились пересаживать сердца... а ты всё тот же. Ты застрял.

— Я не застрял. Я ждал. Я ждал, когда музыка закончится. В ту ночь я поджег театр, чтобы тишина наконец-то стала абсолютной. Но тишина не наступила. В моей голове всё это время звучала та самая недоигранная симфония. И пока я её не закончу... время не отпустит меня.

Илья медленно выключил питание синтезатора. Свет на панели погас, и гараж снова погрузился в привычный полумрак. Но золотистое свечение Натаниэля не исчезло полностью. Оно осталось внутри него, как маленькая искра в пепле, готовая в любой момент превратиться в пожар.

— Завтра, — сказал Артём, глядя на друзей. — Завтра мы найдём её. Чего бы нам это ни стоило.

Натаниэль кивнул и медленно пошёл обратно к своему дивану. Его первый контакт с «электрической душой» 2024 года закончился. Он понял главное: мир изменился, технологии стали холодными, но музыка — музыка осталась единственным языком, на котором он всё ещё мог кричать о своей боли.

А за стенами гаража ночной город продолжал выть своими турбинами, не подозревая, что в ржавом боксе № 42 только что прозвучала нота, способная перевернуть историю.

Золотистое свечение, вызванное музыкой, медленно оседало на стенах гаража, оставляя после себя мерцающие искорки, как следы светлячков, и странное, почти физическое покалывание в воздухе. Натаниэль сидел на краю дивана, опустив голову. Его пальцы всё ещё непроизвольно перебирали невидимые клавиши на коленях.

— Так, народ, брейк, — Артём хлопнул в ладоши, разрушая мистический транс. Его голос прозвучал набатом в тесноте бокса. — Эйфория — это круто, но у нас проблема. Если Нат прав, и эта женщина — Анна Петровна — реаль-

но где-то в городе, нам нужно найти её раньше, чем Громов найдёт нас.

Марк уже сидел за верстаком, развернув свой ноутбук. Экран сочно мигнул синим, и Натаниэль поморщился, прикрыв лицо рукой.

— Свет... он слишком «острый», — прошептал Нат. — Ваша чёрная доска кричит слишком громко.

— Потерпи, Нат, — Марк быстро застучал по клавишам. — Это интернет. Мы сейчас заставим мир выдать свои секреты.

— Интернет... — Натаниэль попробовал слово на вкус. — Это как радио, которое знает всё?

— Это как коллективная память человечества, — не поднимая головы, отозвался Марк. — Только в ней очень много мусора. Так, «Анна Петровна. Театр Отражение. 1974 год». Кир, помоги с архивами соцсетей. Ищи через фильтры возраста и местоположения.

Кирилл, чей телефон наконец-то зарядился, впился пальцами в экран.

— Слушай, Тём, я проверил городские паблики. Пост с заправки... его снесли. Типа за «нарушение правил сообщества» или хейтспич. Странно, да? Обычно такое висит сутками.

— Громов, — Артём сжал кулаки. — Он зачищает инфополе. Он не хочет, чтобы кто-то ещё узнал про «аномалию». Он хочет быть единственным владельцем.

Натаниэль внезапно поднял голову. Его белые шрамы на глазах казались застывшими каплями молока в полумраке.

— Вы ищете её в своих машинах... — тихо сказал он. — Но она не там. Она в старом кирпичном доме. Рядом... рядом пахнет большой водой и железом. Там постоянно гудит что-то тяжёлое.

— Большая вода и железо? — Майя подошла к нему, заглядывая в лицо. — Нат, это может быть набережная? Или мост?

— Железная дорога, — Илья подал голос из своего угла. — Набережная рядом с портовыми кранами. Там старые сталинки, дома для работников порта.

— Портовый район? — Марк быстро вбил данные в поисковик. — Так... улица Набережная, дом 12, 14, 16. Там остались дома той эпохи. Но фамилия! Нат, ты помнишь её фамилию?

Натаниэль закрыл глаза. В его голове зазвучал голос Директора, делающий выговор билетерше за то, что она опоздала на пять минут.

— Костромина... нет, это у Ильи. Соколова? Нет. Она была... Бережная. Аня Бережная. Директор называл её «небрежливая Бережная», когда она роняла программки.

— Бережная Анна Петровна, — Марк замер, глядя в экран. — Есть. Шестьдесят восемь лет. Прописана на улице Речного Порта, дом 5. Это всего в двадцати минутах отсюда.

В гараже стало так тихо, что слышно было, как остывает

двигатель «Танка» Артёма.

— Жива, — прошептал Дэн, прижимая ладонь к груди. — Она жива. Нат, ты понимаешь? Она ждала тебя все эти годы.

Натаниэль не ответил. Он начал медленно прозрачнеть. Его рука, лежащая на пледе, стала похожа на туманную дымку.

— Я слышу... — его голос стал тонким, как струна. — Она играет. Но не на рояле. Она перебирает бусины. Раз-два... раз-два... Она молится за меня. Пятьдесят лет она говорит: «Вернись, мальчик. Доиграй симфонию».

— Нат! Не исчезай! — Артем в два шага пересек гараж и схватил Натаниэля за плечи.

Марк быстро записал в блокнот: «Аудиальная проекция памяти. Связь усиливается при эмоциональном резонансе. Риск дезинтеграции при потере фокуса».

— Улица Речного Порта, дом 5, — повторил Артём твёрдо. — Нат, слушай меня. Ты здесь. Ты с нами. Не уходи туда, куда мы пока не можем за тобой последовать. Останься с нами — и мы найдём её вместе.

Натаниэль моргнул. Его глаза — эти белые шрамы, которые всегда казались слепыми, — вдруг словно сфокусировались на лицах друзей. Он глубоко вздохнул, и его силуэт начал уплотняться. Прозрачность отступила, оставив его таким же реальным, как и минуту назад.

— Да... — он медленно опустил голову, глядя на свои руки. — Я здесь. Я с вами. Простите. Я чуть не...

— Ничего, — Майя мягко улыбнулась. — Ты не один. Мы рядом.

Артём подошёл ближе и положил руку ему на плечо:

— Ты нас напугал. Давай-ка ты пока оставайся здесь, в гараже. Отдохни. Мы с Марком ещё раз проверим адрес и подумаем, как лучше действовать. Нельзя идти к Анне Петровне, пока ты в таком состоянии.

— Правильно, — поддержал Кирилл. — Сначала — стабилизация. Потом — миссия.

Дэн тут же подхватил:

— Я принесу ещё яблок. И чай. Настоящий, без ароматизаторов. Ты говорил, она любила чай, когда играла?

— Да, — Натаниэль слабо улыбнулся. — С мятой.

— Значит, будет с мятой, — Дэн решительно направился к полке с припасами.

Майя поправила плед на плечах Натаниэля. Толстовка Артёма, в которую тот был одет, свободно свисала с его плеч, рукава закрывали ладони, а подол почти доставал до колен. Натаниэль выглядел в ней как ребёнок, нарядившийся в одежду взрослого.

— Тебе, кстати, нужна какая-то своя одежда, — заметила Майя. — Эта явно великовата.

Натаниэль опустил взгляд на толстовку, неловко подпернул рукав.

— Да... пожалуй.

— Разберёмся с этим позже, — вмешался Артём. — Сейчас главное — чтобы ты восстановился. Никаких резких движений. Никаких походов. Только отдых и поддержка.

Натаниэль кивнул и откинулся на спинку дивана. Его дыхание выравнилось, а свет вокруг него стал ровным и спокойным.

— Спасибо, — тихо сказал он. — За то, что не дали мне уйти.

— Мы не дадим, — твёрдо ответил Артём. — Никуда ты от нас не денешься.

В гараже снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим шумом города за воротами и мерным тиканьем старых часов на стене. Натаниэль закрыл глаза, но его пальцы слегка подрагивали, будто всё ещё следовали за нотами далёкого вальса. А друзья молча переглянулись, понимая: путь к Анне Петровне только начинается — и он будет долгим.

Глава 6. Рваная реальность

Утро в гаражном кооперативе не принесло облегчения — оно лишь высветило в пыльных лучах солнца всю нелепость их затеи. Артем стоял посреди бокса, держа в вытянутой руке свои запасные джинсы, и выглядел так, будто пытается нарядить манекен из другого измерения.

— Это провал, — выдохнул Артем, бросая штаны на замасленный верстак. — Нат, ты вообще из чего сделан? Из музыки и тумана? Ты в моей одежде как в пододеяльнике.

Натаниэль стоял на бетонном полу, неловко расставив руки в огромном бомбере Дэна. Рукава пришлось закатать в пять слоев, превратив их в тяжелые матерчатые гири, а воротник полностью скрывал его подбородок. Мальчик походил на испуганного Пьеро, которого по ошибке одели в доспехи великана.

— Она... она пахнет тобой, Артем, — тихо сказал Натаниэль, пытаясь нащупать выход для ладоней из бездонных рукавов. — В ней слишком много силы. И она очень тяжелая. Как будто я несу на себе всё твоё «индиго».

— Сила силой, но ты в ней как гриб под лопухом, — проворчал Артем, нервно меряя шагами гараж. — Нам нужно вывести его к Анне. Но если он выйдет в своих театральных брюках со стрелками и этой куртке-парусе, любой патруль-

ный примет его за беспризорника.

— Антропометрическое несоответствие, — констатировал Марк, не поднимая головы от ноутбука. — Артем, в семьдесят четвертом люди были суше. Плюс его график репетиций и... специфическое воспитание. Ты пытаешься натянуть шкуру медведя на лесного эльфа.

Майя решительно подошла к Нату и сняла с него куртку, отчего тот сразу показался еще более хрупким в своей старой рубашке.

— Ребят, мы тупим. Ему тринадцать, но физически он выглядит на одиннадцать. Нам нужен «Детский мир» или подростковый отдел. Там есть одежда для тех, кто...еще не успел вырасти. Худи, панамы, очки. Сделаем из него обычного городского интроверта.

Натаниэль вскинул голову. Его белые шрамы-глаза под очками Майи затрепетали.

— «Детский мир»... — повторил он, пробуя слова на вкус. — У меня никогда не было такой комнаты. Директор говорил, что детство — это сорняк, который мешает расти таланту. Он выполол его еще до того, как я научился играть гаммы.

В гараже стало так тихо, что слышно было, как на улице капает конденсат. Дэн шмыгнул носом и быстро отвернулся к полкам.

— Значит, поедem и купим тебе немного «сорняков», — Артем решительно хлопнул по капоту «Танка». — Едем в «Гранд-Сити» на окраине. Там по будням утром только

сонные охранники. Майя, Дэн — идете с ним. Остальные страхуют в машине. Илья, настрой ему наушники. Город будет орать на него, нам нужен щит.

Натаниэль коснулся рваного края денима на джинсах, которые Майя достала из пакета как вариант.

— Майя... — он осторожно просунул палец в дыру на колене. — Зачем ты принесла одежду нищего? Разве у вас в этом времени нет иголок с нитками? Почему вы покупаете нищету за деньги?

— Это стиль, Нат, — Майя грустно улыбнулась. — Мы имитируем свободу через разрушение.

— Вы имитируете горе, потому что вам скучно жить в достатке, — отрезал Натаниэль. — В мое время люди штопали каждую дырочку, чтобы сохранить достоинство. Но если это цена за то, чтобы стать невидимкой... я надену это. Но не называйте это свободой.

Майя замерла, так и не решившись протянуть ему вторую вещь из пакета. В гараже стало так тихо, что было слышно, как на улице, за железными воротами, капает конденсат с кондиционера соседнего бокса. Артем перестал звенеть ключами. Марк медленно поднял голову от экрана, и в его обычно холодном взгляде промелькнуло нечто, похожее на вину.

— Вы заполнили мир вещами, — продолжал Нат, и его тело начало мелко дрожать под огромным худи Дэна. — Двери, которые открываются сами. Еда, которая не портится. Но внутри вы так пусты, что вам приходится рвать свои шта-

ны, чтобы хоть что-то почувствовать. Это... это кощунство, Майя. Это как если бы я играл похоронный марш на свадьбе просто для того, чтобы развлечься.

— Прости, Нат, — тихо сказал Дэн, подходя ближе и осторожно кладя руку на острое плечо мальчика. — Мы об этом так не думали. Мы просто... привыкли. Это часть нашего шума.

— Привычка к фальши — это самая страшная болезнь, — отрезал Натаниэль. Он отложил джинсы на край дивана с такой осторожностью, словно они были ядовитыми. — Но если это цена за то, чтобы я стал невидимкой для вашего мира... я надену их. Я надену вашу «свободу», раз она выглядит как нищета. Но не ждите, что я буду улыбаться.

Артем тяжело вздохнул и подошел к Нату. Его «индиго» сейчас было густым и тяжелым от невысказанного уважения. Он молча протянул мальчику бейсболку, чтобы скрыть белизну его волос.

— Ладно, маэстро. Хватит жечь глаголом, — Артем решительно рванул засов ворот. — Пора выходить. Если мы задержимся здесь еще на час, ты убедишь нас, что мы живем в аду, а я еще хотел сегодня успеть поесть нормальной шавермы.

Когда створки гаража разошлись, впуская внутрь ослепительный клинок утреннего солнца, Натаниэль инстинктивно зажмурился под темными очками. Для него этот свет был не началом дня, а началом первой битвы с реальностью, где всё

— от подошвы ботинок до смысла слов — было зыбким и рваным.

Когда тяжелая створка ворот с лязгом зафиксировалась, Натаниэль сделал свой первый шаг из «железного кокона» во внешний мир. Но этот шаг едва не стал последним.

На нем были те самые кроссовки на массивной воздушной подошве. Как только нога Натаниэля коснулась неровного гравия перед гаражом, его лицо исказилось от подлинного ужаса. Он вскрикнул и мертвой хваткой вцепился в предплечье Артема.

— Земля! Артем, земля... она предала меня! — голос мальчика сорвался на хрип. — Под ногами... болото. Я не чувствую камней, я не чувствую твердости. Я как будто стою на спине огромного зверя, который дышит под моими стопами. Почему я... пружиню? Вы ходите по облакам и не боитесь упасть в небо?

Для человека, который тринадцать лет чувствовал каждый выступ брусчатки и каждую трещину в паркете через тонкую кожу чешек, современная амортизация была физической потерей реальности. Мир под ним перестал быть надежным.

— Это физика, Нат, — Марк подошел ближе, поправляя очки. — Твой вес распределяется по воздушным камерам. Это должно быть комфортно для суставов.

— Комфорт — это когда ты знаешь, где стоишь, — отрезал Натаниэль, не отпуская Артема. — В этом мире... ни-

чего нельзя потрогать по-настоящему. Еда в пластике, слова в воздухе, а теперь и земля под ногами — это пена. Вы всё превратили в пену!

— Привыкнешь, маэстро, — буркнул Артем, почти на руках занося его в салон «Танка». — По коням.

Поездка через дневной город превратилась в сенсорную атаку. Сквозь наушники, где Илья включил ему Шопена, всё равно прорывался Гул. Для Натаниэля это не был просто шум машин — это был «крик железа», вибрация сотен моторов, которые, казалось, ехали прямо сквозь его голову. Он сидел, зажмурившись под черными очками, и чувствовал, как его «истаивание» начинается снова — кончики пальцев в рваных джинсах стали едва заметно мерцать.

Когда машина замерла на парковке ТЦ «Гранд-Сити», Нат почувствовал себя голым. Огромное пространство, залитое солнцем, отражалось в тысячах лобовых стекол припаркованных авто.

— Пришли. Выгружаемся, — скомандовал Артем.

Натаниэль вышел из машины и замер. Перед ним возвышался торговый центр — колоссальный куб из зеркального стекла и бетона. В его стенах облака плыли так быстро, что у Ната закружилась голова.

— Здание... без костей, — прошептал он, пятясь назад к дверце внедорожника. — Оно прозрачное, Майя. Оно как лед, который забыл, что он должен растаять. Почему люди заходят внутрь и не боятся, что оно разобьется от их голо-

сов?

— Оно крепкое, Нат. Идем, — Майя взяла его за руку, и её «изумрудный» свет окутал его защитным коконом. — Мы просто купим вещи и сразу назад.

Они подошли к дверям. Стекланные слайдеры с тихим, хищным шипением разъехались перед ними сами собой. Натаниэль снова вскрикнул, отпрянув от «разинутой пасти» здания.

— Она опять... она опять съела воздух! — он прижал ладони к ушам. — Почему ваши дома дышат вместо вас?

Но настоящий кошмар ждал его внутри. Прямо посреди атриума, скрежеща металлом и шелестя резиновыми поручнями, бесконечно уходил вверх эскалатор.

Ступеньки рождались из пола, словно зубы механического чудовища, и умирали где-то под потолком. Натаниэль застыл в абсолютном ступоре. Его «белый шум» в глазах под очками вспыхнул испуганным сиянием.

— Нет, — выдохнул он, и его тело стало прозрачным настолько, что сквозь плечо Майя увидела яркую вывеску магазина косметики напротив. — Это машина, которая ест пол. Я не пойду в её пасть. Она пережует мои ноги, Майя! Она... она звучит как старая мельница, которая молит о смерти!

Артем и Дэн переглянулись. Группа подростков, проходивших мимо, замедлила шаг, уставившись на странного парня в кепке и очках, который дрожал перед обычной лестницей. — Нат, — Марк подошел вплотную, его «стальной»

голос разрезал панику мальчика, как скальпель. — Это не монстр. Это вектор. Зацикленная лента. Физика трения и цепная передача. Если ты не встанешь на него сейчас, ты не попадешь к Анне. Выбирай: страх перед механизмом или встреча с памятью.

Натаниэль замер, его «белый шум» под очками сфокусировался на Марке. Слова «вектор» и «механизм» были ему понятны — они пахли геометрией и чертежами из его времени, чем-то упорядоченным.

— Вектор... — повторил он, сглатывая комок в горле. — Вы всё превращаете в линии и цифры, чтобы не сойти с ума от этого хаоса.

Он протянул дрожащую руку, и Артем, не теряя ни секунды, просто подхватил Ната под локоть, почти приподнимая его над полом.

— Закрой глаза, маэстро, — скомандовал Артем, делая шаг на движущуюся ступеньку. — Просто не смотри, как земля уходит из-под ног.

В момент, когда подошвы кроссовок коснулись ребристого металла, Натаниэль вскрикнул и мертвой хваткой вцепился в куртку Артема, пряча лицо у него на груди. Ему казалось, что он стоит на языке огромной стальной змеи, которая медленно заглатывает его в свое нутро. Скрежет механизмов под ногами отдавался в его зубах невыносимым зудом.

— Мы едем, Нат! — радостно крикнул Дэн, стоя на ступеньку выше. — Смотри, мы летим!

Но Нат не смотрел. Он чувствовал, как его плотность колеблется: в этом стеклянном улье, среди сотен чужих голосов и навязчивого ритма «автотюна», он ощущал себя прозрачным пятном. Его пальцы, сжимавшие ткань куртки Артема, на мгновение стали похожи на туман.

Когда эскалатор наконец «выплюнул» их на втором этаже, Натаниэль едва не рухнул на колени. Его ноги в мягких кроссовках всё еще вибрировали от пережитого ужаса.

Прямо перед ними, залитый беспощадным светом диодов, раскинулся «Детский мир». Огромные полки, забитые кричаще-ярким пластиком, куклами с застывшими лицами и роботами, которые мигали всеми цветами радуги.

— Пахнет... — Нат судорожно вдохнул, и его лицо исказилось. — Пахнет разогретой резиной и пустой жизнью. Здесь нет тишины, Майя. Здесь даже игрушки кричат.

Марк, который всё это время шел чуть поодаль, внимательно наблюдая за состоянием «объекта», внезапно остановился у одной из корзин. Среди хаоса из пластмассовых мечей и светящихся йо-йо он увидел его.

Серый заяц.

Он был среднего размера, из мягкого, длинноворсного плюша, с длинными, печально опущенными ушами и маленьким розовым носом. В отличие от остальных игрушек, он не мигал, не издавал звуков и не скалился в пластмассовой улыбке. Он просто был. Тихий и серый.

Марк молча протянул руку, достал зайца и сделал два ша-

га к Натаниэлю.

— Нат, — Марк подошел вплотную. — У этого объекта коэффициент шума равен нулю. И он... тактильно стабилен. Возьми.

Натаниэль вздрогнул, когда Марк осторожно вложил ему в руки нечто мягкое и невесомое. Его длинные пальцы, привыкшие к холодной гладкости клавиш и колючему пластику этого утра, внезапно погрузились в густой, податливый мех.

Нат замер. Он не видел серого цвета, не видел длинных ушей или розового носа. Для него этот предмет был островом тишины. Среди «неонового» звона ТЦ и запаха жженой пластмассы, этот зверь пах просто тканью и покоем. Он не вибрировал, не светился и не пытался «съесть воздух».

— Он... он молчит? — прошептал Нат, судорожно прижимая зайца к своей груди, прямо поверх рваного худи.

— Абсолютно, — кивнул Марк, неловко отводя взгляд от того, как сильно мальчик вцепился в игрушку. — Он не умеет орать. Считай это своим переносным глушителем.

Натаниэль закрыл глаза, зарываясь лицом в длинные ворсистые уши. Его мерцание прекратилось. Плотность вернулась, став твердой и уверенной. В этом огромном стеклянном монстре ТЦ он наконец нашел свою первую безопасную территорию — маленькое существо, которое не требовало от него быть гением или «активом». Заяц просто позволял себя держать.

— Спасибо, Марк... — Нат выдохнул, и его «белый шум»

в глазах под очками успокоился, сменившись мягким мерцанием. — Твоя сталь... она сегодня теплая.

Артем, наблюдавший за этой сценой, молча кивнул в сторону отдела одежды.

— Ладно, маэстро. Заяц у тебя есть. Теперь пошли за джинсами. Постарайся не читать им нотации о вреде моды, просто надень их.

Примерочная подросткового отдела ТЦ «Гранд-Сити» на-поминала Натаниэлю пыточную камеру, оббитую мягким пластиком. Стены здесь не дышали, они отражали звук его собственного сердца, которое в этой тесноте колотилось как пойманная птица. Майя решительно задвинула тяжелую штору из синтетического бархата. Резкий звук бегущих по металлической штанге колец заставил Ната вздрогнуть и прижать к груди плюшевого зайца, словно тот был его единственным щитом.

В этом крошечном пространстве, залитом беспощадным, «мертвым» светом светодиодов, Нат чувствовал себя запертым в стеклянной колбе.

— Майя... — он осторожно, почти невесомо коснулся кончиками пальцев огромного зеркала. Для него оно не было стеклом — оно ощущалось как холодная, бесконечная бездна, засасывающая тепло его тела. — Здесь... здесь слишком много меня. Я слышу, как мои мысли отражаются от стен и возвращаются ко мне искаженными. Зачем нам эти прятки в шкафу? Почему ваше время требует, чтобы человек смотрел

на себя со всех сторон, но не видел своей сути?

— Это не шкаф, Нат, это твоя новая кожа, — Майя встряхнула вешалку с широкими джинсами. Тяжелая ткань денима издала глухой, «наждачный» звук. — Давай, надевай. И, пожалуйста, не читай мне нотации про иголки с нитками. Просто попробуй почувствовать ткань. Она грубая, но она... она спрячет тебя.

Натаниэль взял джинсы. Его пальцы, всё еще хранившие память о шелковистой гладкости клавиш «Стейнвея» и мягком накрахмаленном хлопке его старой рубашки, коснулись жесткого, шершавого денима. Он медленно, с какой-то священной брезгливостью, начал натягивать их. Когда его голые колени внезапно коснулись пустоты в прорезанных дырах, он замер, нахмурившись так сильно, что на лбу проступила тонкая, пульсирующая синяя жилка.

— Это... это кошунство, Майя, — прошептал он, медленно выходя из-за шторы. Его голос, обычно певучий и ломкий, сейчас звучал сухо, как треск старой деки под тяжестью льда. — Вы отрезали куски ткани там, где они нужнее всего — там, где человек преклоняет колени или падает. Вы превратили износ в украшение. В моем времени человек в таких штанах шел бы к черному входу театра за милостыней, а не в «храм торговли» за «стилем». Разве вам не страшно, Майя? Разве вам не страшно так открыто имитировать нищету, когда где-то за стенами этого стеклянного монстра люди по-настоящему замерзают?

Майя замерла, не в силах отвести взгляд. Перед ней стоял уже не испуганный «призрак из 74-го» в безразмерном бомбере Артема. В огромном угольно-черном худи, которое полностью скрыло его болезненную, прозрачную худобу, и в этих нарочито рваных джинсах Натаниэль внезапно стал пугающе современным. Майя подошла к нему и, почти не дыша, натянула ему на лоб черную бейсболку, окончательно пряча слепящую, «неземную» белизну его волос. Теперь под темными очками он был похож на типичного подростка-интроверта, который прячется от мира за капюшоном, музыкой и вечной усталостью.

— Ты выглядишь... — Майя сглотнула горький комок в горле. — Ты выглядишь как один из нас, Нат. Почти незаметно. Теперь ты можешь идти по улице, и никто не обернется. Ты стал частью камуфляжа этого города. Твоя тайна теперь спрятана за дешевой синтетикой и модой на разрушение.

Натаниэль подошел к зеркалу и прижал к груди зайца, зарываясь лицом в его длинные ворсистые уши.

— Я стал невидимкой, — тихо сказал он, и его «белый шум» под очками вспыхнул горьким сиянием. — Я надел вашу ложь, и теперь я — часть этого шума. Но под этой тканью... я всё ещё слышу Шопена. И я всё ещё помню, как Анна гладила мою целую белую рубашку перед тем, как всё сгорело. Вы дали мне одежду, Майя, но вы не дали мне опоры. Ваши кроссовки... они пружинят, как болото, ваши штаны — рваные, как мои воспоминания. В этом времени... в нем

вообще есть хоть что-то целое? Хоть что-то, что не пытается казаться чем-то другим?

Он сделал пробный шаг. Подошва кроссовок с мягким, «чавкающим» звуком спружинила о плитку пола. Нат покачнулся, его пальцы судорожно вцепились в плечо Майи.

— Мои ноги... они больше не чувствуют земли. Это обувь для тех, кто хочет убежать от реальности, не касаясь её. А я... я просто хочу на нее опереться, чтобы не рассыпаться.

В этот момент снаружи, за тонкими стенами примерочной, раздался резкий, дребезжащий звук — кто-то из подростков в зале включил на полную громкость портативную колонку. Агрессивный бит с перегруженными басами ударил по перегородкам, заставляя зеркала вибрировать. Нат вскрикнул и прижался спиной к холодному стеклу, его плотность мгновенно начала колебаться, и края его худы на мгновение стали прозрачными, обнажая пустоту там, где должно было быть тело.

— Уходим... — прошептал он, закрывая уши руками и не выпуская зайца. — Пожалуйста. Эта музыка... она бьет меня по шрамам. Она пахнет пластиком и смертью.

Выход из примерочной в центральный атриум торгового центра «Гранд-Сити» ощущался Натаниэлем как падение в оркестровую яму во время настройки инструментов. Звуки не просто окружали его — они атаковали. Гул сотен голосов, механический шелест эскалаторов и, самое страшное, — музыка. Агрессивный, «пластиковый» бит с перегружен-

ным автотюном лился из динамиков под потолком, резонируя в костях мальчика.

— Она... она не дышит, — прошептал Нат, сильнее вжимаясь в плечо Дэна и пряча лицо в мягком меху зайца. — Певица... в её голосе нет воздуха. Это звук ломающейся пластмассы. Зачем вы заставляете тишину так страдать?

— Это просто музыка для фона, Нат, — Дэн попытался перекрычать рекламу распродажи, раздававшуюся из соседнего магазина. — Потерпи, мы уже на финишной прямой. Почти вышли.

Они двигались к выходу, стараясь держаться тени декоративных пальм. Натаниэль в своем новом обликии — в безразмерном черном худи, рваных джинсах и низко надвинутой кепке — действительно сливался с толпой. Он шел, глядя в пол, и его «пружинящие» кроссовки теперь казались ему единственным способом не рассыпаться от вибрации пола.

Но у самых сенсорных дверей, которые Нат всё еще называл «пастью здания», их ждало препятствие.

Высокий, массивный охранник в черной форме с рацией на плече преградил им путь. Его взгляд, привыкший выцеплять в толпе подозрительные тени, замер на Натаниэле. Мальчик в темных очках ночью (пусть и внутри здания), судорожно прижимающий к груди плюшевого зайца и идущий в сопровождении двух напряженных подростков, выглядел как минимум странно.

— Стоять, молодежь, — голос охранника прозвучал как удар литавр. — Пацан, сними кепку и очки. Что в карманах?

Натаниэль замер. Звук голоса этого человека — грубый, властный, пропитанный скукой и подозрительностью — мгновенно вернул его в холодные коридоры театра. Ему показалось, что перед ним стоит не охранник, а один из помощников Директора, готовый утащить его на бесконечную репетицию.

Его плотность начала колебаться. Прямо под пристальным взглядом мужчины края черного худи Ната стали прозрачными, обнажая пустоту. Майя, стоявшая рядом, почувствовала, как рука Ната, которую она держала, превратилась в холодный, бесплотный туман.

— Слышь, командир, — Артем, который всё это время шел чуть поодаль, мгновенно оказался впереди. Его «индиго» вспыхнуло яростным, защитным пламенем, буквально оттесняя охранника. — У парня светобоязнь после операции. Очки не снимаются по рецепту врача. Мы только что из «Детского мира», чеки на зайца и шмотки в пакете. Есть вопросы — зови начальника смены, пообщаемся официально.

Артем стоял как скала, и его уверенность была настолько плотной, что охранник невольно сделал полшага назад.

— Ладно, ладно, — буркнул мужчина, отводя взгляд от темных линз Натаниэля. — Идите. Развелось тут... нежных.

Дэн почти на руках потащил Натаниэля к выходу. Как только они пересекли линию фотоэлементов и двери за их

спинами сомкнулись, отсекая гул ТЦ, Нат рухнул на колени прямо на асфальт парковки. Он судорожно вдыхал воздух, пахнувший бензином и пылью, и этот запах казался ему самым прекрасным в мире, потому что он был «настоящим».

— Он... он хотел меня стереть, — прошептал Нат, зарываясь лицом в мех зайца. — Его голос... он был как наждачная бумага. Артем... спасибо, что закрыл меня. Твой цвет... он пахнет грозой.

— Всё, маэстро, — Артем вытер пот со лба. — Шопинг окончен. Грузимся в «Танк». Домой. В тишину.

Они дошли до машины. Натаниэль сел на заднее сиденье, прижимая к себе зайца как единственный трофей из этого стеклянного ада. Он еще не знал, что дома, в тихом полумраке гаража, его ждет не покой, а удар, который окажется страшнее всех эскалаторов и охранников мира.

Кирилл, сидевший на переднем сиденье, уже лихорадочно листал экран смартфона. Его лицо было бледным, а пальцы дрожали.

— Тём... я нашел его, — шепнул Кир, не оборачиваясь к Нату. — То самое видео. Две части. Оцифровка из личного архива театра. Ребят... нам лучше посмотреть это без него.

В гараже воцарилась тяжелая, ватная тишина. Артем задвинул засов, отсекая шум проснувшейся промзоны. Дэн осторожно перенес уснувшего Натаниэля на диван. Мальчик, вымотанный торговым центром, спал глубоко, прижимая к груди серого зайца. Его «белый шум» под веками едва

мерцал.

— Показывай, Кир, — выдохнул Артем.

Кирилл дрожащими пальцами разблокировал смартфон. Это была оцифровка личного архива Директора. 1974 год. Октябрь.

Видео началось с крупных планов. Маленькие, тонкие пальцы Натаниэля летали по клавишам. Камера медленно отъехала: Натаниэль на видео был прекрасен — живые, глубокие темные глаза, светлая улыбка. Он играл не музыку, а самую радость жизни.

Но вот музыка смолкла. В кадр вошел Директор. Он не выглядел злым. Напротив, его лицо светилось экстатической, пугающей нежностью. Он подошел к мальчику и бережно положил руку ему на затылок.

— «Ты слышишь это, Нат?» — голос Директора на записи был мягким, как бархат. — «Мир за окном... он пачкает твой дар. Цвета, лица, суета — всё это мешает тебе слышать Истину. Я помогу тебе очиститься».

— «Учитель?» — Натаниэль на видео замер, глядя на него с абсолютным доверием.

— «Я заберу у тебя лишнее, мой мальчик. Я оставлю тебе только вечное. Ты больше не будешь отвлекаться на тлен. Только звук. Только я и ты».

Директор медленно, почти торжественно, поднес раскаленный прикуриватель к глазам мальчика. Он не кричал на него. Он не бил его. Его рука была твердой, а взгляд — пол-

ным безумной любви «спасителя». Когда металл коснулся кожи и раздалось жуткое шипение, Директор не отпрянул.

Он продолжал удерживать голову Натаниэля, пока тот бился в его руках.

— «Тише, мой маленький бог... потерпи ради Вечности», — шептал Директор, и в его голосе слышались слезы. — «Я делаю это, потому что люблю твой талант больше своей жизни. Теперь ты будешь видеть только мою музыку».

Когда всё закончилось, и ослепленный Натаниэль рухнул на доски сцены, Директор опустился рядом с ним. Он бережно подхватил его, прижал к своей груди и начал укачивать, как младенца, перебирая пальцами его белые волосы.

— «Ну вот и всё... теперь мы одни в этом мире звуков», — Директор целовал его в лоб, пока Нат судорожно хрипел от боли. — «Теперь ты идеален. Теперь ничто не встанет между тобой и твоим гением».

Запись оборвалась на этом жутком объятии. В гараже стало так холодно, что казалось, иней сейчас покроет стены.

— Он его не ненавидел... — прошептал Марк, и его голос сорвался. — Он его... боготворил. Это страшнее любого маньяка. Он искренне верил, что ослепление — это высший дар. И Нат жил с этим... еще целую неделю.

— Неделю в этой «любви», — Артем сжал кулаки так, что костяшки побелели. — Неделю он слушал этот голос, пока не понял, что единственный способ заставить его замолчать — это сжечь всё дотла. Вместе с театром. Вместе с «гением».

Майя сидела на полу, закрыв лицо руками.

— Спустя семь дней он просто чиркнул спичкой... потому что тишина Директора была страшнее огня.

Артем подошел к спящему Натаниэлю. Мальчик во сне крепче прижал к себе серого зайца. Он еще не знал, что его друзья теперь видели не просто «призрака», а живую рану, нанесенную «великой любовью» безумца.

— Завтра, — сказал Артем. — Мы едем в Портовый район. Мы найдем Анну. Только она может сказать, был ли у него шанс тогда. И мы дадим ему этот шанс сейчас.

Глава 7. Цифровой призрак

Утро в гаражном кооперативе «Сигнал» не наступило в привычном смысле этого слова. Оно не принесло с собой ни бодрящей свежести, ни золотистого рассвета — оно просто вползло внутрь через узкие, неровные щели в железных воротах серым, липким маревом, похожим на грязную вату. В боксе №42 застыл тяжелый, свинцовый полумрак, который, казалось, имел собственный вес и консистенцию. Единственная лампа под потолком, засиженная мухами и покрытая слоем многолетней пыли, горела вполсилы, и её желтушный свет казался израсходованным, выдохшимся за долгую, бессонную ночь.

Воздух в гараже окончательно застоялся. Он пропитался горьким, пережженным запахом дешевого кофе из термоса, едким духом трансмиссионного масла и тем самым невыплаканным, концентрированным ужасом, который ребята впитали в себя вместе с мерцанием экрана смартфона несколько часов назад. Этот ужас не выветривался; он оседал на ржавых стеллажах, впитывался в старый ворс пледа и застревал в горле горьким комом.

Артем сидел на корточках у самых ворот, прислонившись затылком к холодному, влажному от конденсата железу. Его куртка-косуха сухо скрипела при каждом мимолетном дви-

жении, но он старался не шевелиться, превратившись в извятие из тени и кожи. Его «индиго» — обычно яркое, защитное, лидерское — потемнело до цвета запекшейся крови. Оно больше не светилось, оно давило, заполняя пространство бокса душной, тяжелой тревогой. Артем не спал ни минуты. Каждый раз, когда веки тяжелели, перед глазами вспыхивали черно-белые помехи старой пленки. Он снова и снова видел эти тонкие, почти прозрачные пальцы, судорожно царапающие доски сцены, и слышал этот мягкий, невыносимо ласковый, «отцовский» шепот Директора: «Тише, мой маленький бог...»

Артем сжимал кулаки так сильно, что костяшки побелели, а ногти впивались в ладони, оставляя на коже глубокие красные полумесяцы. Он чувствовал себя преступником. Ему казалось, что, посмотрев ту запись, они все совершили второе ослепление Натаниэля. Они заглянули в рану, которую мальчик прятал пятьдесят лет под слоями пепла, и теперь эта рана кровоточила прямо здесь, на грязном бетоне.

Майя забилась в угол на старое продавленное кресло, обняв колени и спрятав лицо в складках своей безразмерной толстовки. Её «изумрудный» свет, обычно живой и сочный, почти угас. Теперь он напоминал цвет жухлого, прибитого первыми заморозками бурьяна. Она не плакала — слезы выгорели еще в три часа ночи, оставив после себя только сухую резь в глазах и ледяную пустоту в груди. Ей казалось, что всё вокруг — и ржавые полки с запчастями, и помятые канистры

— теперь осквернено тем нежным, фанатичным безумием, которое они увидели на записи. Мир перестал быть безопасным. Если любовь может выглядеть так, то на что тогда похожа ненависть?

Никто не решался заговорить. Любое слово, произнесенное в этой вакуумной тишине, прозвучало бы как фальшивая нота.

Натаниэль проснулся рывком.

Он не открыл глаза — за него это сделало его тело, которое научилось чувствовать перемену атмосферы кожей. Он резко сел на диване, сбросив с себя старый шерстяной плед. Серый заяц, которого он судорожно сжимал всю ночь, мягко соскользнул на бетонный пол, уткнувшись носом в пыль.

Нат замер. Его голова была слегка наклонена вправо, плечи напряжены. Он жадно, почти лихорадочно ловил вибрации воздуха, пытаясь расшифровать то, что происходило в гараже.

— Почему... — его голос прозвучал как надломленная сухая ветка. Тихо, но так резко, что Дэн, сидевший на полу рядом, вздрогнул всем телом. — Почему вы так светитесь?

Натаниэль медленно поднял руку, и в сером свете утра стало заметно, что его пальцы начали мерцать. Плотность уходила из него, как вода из разбитого кувшина. Края его черного худи стали полупрозрачными, и сквозь ткань плеча отчетливо проступила ржавая канистра, стоящая на полке позади.

— Нат, ты чего... — Дэн попытался дотянуться до него, его «янтарь» сейчас напоминал мутную, окислившуюся медь. — Всё нормально. Просто утро... серое. Кофе паршивый.

— Ложь, — Натаниэль «повернул» лицо к Дэну. Его белые шрамы под очками Майи казались застывшими каплями яда. — Твой свет больше не пахнет медом. Он пахнет больницей. И сырой землей. Вы смотрите на меня... и вы больше не видите меня. Вы видите только ту боль, которую он мне причинил. Вы превратили меня в памятник на моей собственной могиле.

Майя не выдержала. Тонкий, жалобный всхлип сорвался с её губ, и она тут же прижала ладонь ко рту, но было поздно.

Натаниэль замер, и его тело на мгновение превратилось в едва заметный серый контур. Он начал резонировать с их скорбью. Для него их коллективное сострадание было не поддержкой, а смертельным приговором. Жалость лишала его права на существование в настоящем. Она затаскивала его обратно в тот черно-белый ад.

— Перестаньте! — Нат почти крикнул, и этот крик отошел высокой, дребезжащей нотой в пустых железных банках на верстаке. — Ваша жалость... она холоднее, чем лед Директора. Вы душите меня своими слезами! Если вы теперь видите во мне только жертву... значит, он победил. Значит, я — это не я. Я — это его шрамы. Скажите... что вы нашли в своей черной коробочке?

Артем резко поднялся. Его тяжелые ботинки гулко, по-хозяйски стукнули по бетону. Его «индиго» внезапно вспыхнуло — не яростью, а суровой, ледяной решимостью. Он в два шага преодолел расстояние до дивана и, не колеблясь, мертвой хваткой схватил Натаниэля за плечи. Его ладони погрузились в холодный серый дым, но он не отпустил, сжимая пальцы до тех пор, пока не почувствовал под ними сопротивление плоти.

— Мы не будем тебя жалеть, Нат, — голос Артема прокотал низко и властно, выметая липкую тишину. — Слышишь меня? Никогда. Жалость — это для покойников. А ты живой. Ты вчера так орал на нас из-за рваных джинсов, что у меня до сих пор уши звенят. Вот этот Нат мне нравится. А этот кусок тумана — нет. Так что вернись. Немедленно.

Марк, который до этого сидел неподвижно, захлопнул ноутбук с резким, агрессивным щелчком.

— Артем прав, — Марк поднялся, его «стальной» свет был жестким и прямым. — Мы ведем себя как эмоциональные калеки. Нат, твой пульс сейчас — тридцать восемь ударов. Ты исчезаешь, потому что позволяешь нашему шоку диктовать тебе форму. Хватит подпитывать наши страхи.

Марк подошел к верстаку и с силой поставил перед Натом бутылку воды.

— Мы увидели правду. Она тошнотворная. Но это его правда, Директора, а не твоя. Твоя правда в том, что ты сейчас пьешь воду и идешь в машину. Мы едем в порт. Вытри

лицо, Майя. Кир, включай планшет. Нам нужно движение.

Натаниэль медленно, мучительно начал обретать контуры. Его плечи под руками Артема стали твердыми, костлявыми, настоящими. Он вдохнул — глубоко, судорожно, впитывая резкий запах железа и холодного утреннего воздуха.

— Злость... — прошептал Нат, и в его голосе наконец-то появилась плотность. — Ваша злость... она острая. Она пахнет как струны, которые натянули до предела. Это... это лучше, чем ваша пыль. От злости я чувствую, что у меня есть скелет.

Он нащупал на полу зайца и поднял его, прижимая к груди. Игрушка в его руках больше не просвечивала.

— Хорошо, — сказал Натаниэль, выпрямляя спину и поправляя очки. — Расскажите мне, что вы нашли в своей черной коробочке, кроме моих криков. Где она? Где моя Анна?

Натаниэль замер, его фигура в черном худи казалась высеченной из холодного базальта. Его пальцы, до белизны сжимавшие лапу плюшевого зайца, больше не дрожали — они окаменели в осознанном ожидании. Он не видел экрана, но он чувствовал его присутствие как источник сухого, покалывающего жара, который исходил от работающего процессора.

— Ты спросил, где она, Нат, — Марк заговорил, и его голос окончательно утратил теплые человеческие обертоны, превратившись в ровную, лишенную эмоций «сталь». — Чтобы ответить, мне пришлось залезть в те слои этого ми-

ра, которые мы называем «цифровым кладбищем». Понимаешь? Мы не просто ищем адрес. Мы раскапываем курганы из нулей и единиц.

Марк решительно, с резким, агрессивным щелчком пластика, снова развернул экран ноутбука. Вентилятор устройства мгновенно взвыл, вырываясь из тишины гаража надсадным свистом, и вытолкнул струю горячего, пахнущего перегретым кремнием и старой пылью воздуха прямо в лицо Нату. Мальчик не отпрянул. Он впитал этот технический, «неживой» запах как неизбежную часть своей новой реальности. Для него этот запах был запахом современных знаний — стерильным, лишенным запаха земли и чернил.

— Смотри сюда, — Марк не оборачивался, его пальцы начали летать по клавишам, выбивая дробь, похожую на пулеметную очередь. — Кир нашел видео из театра, но оно — лишь эхо, верхушка айсберга. Пока вы пытались успокоить Ната, я просеял гигабайты информационного мусора. Я искал не новости. Новости лгут. Я искал физические следы присутствия.

На экране, отражаясь в темных линзах очков Натаниэля, замелькали окна программ: бесконечные таблицы кадастровых номеров, оцифрованные выписки из пожелтевших домовых книг девяностых, обрывки ведомостей ЖКХ и счета за электричество. Все эти данные были для Натаниэля невидимыми, но он кожей чувствовал, как Марк «вскрывает» само время, пласт за пластом, как археолог, снимающий слои

пепла.

— Максим Громов — гений цифровой зачистки, — продолжал Марк, и в его голосе проскользнуло ледяное, почти хирургическое уважение к врагу. — Он планомерно стер упоминания об Анне Бережной из всех актуальных списков жильцов. Формально её дома больше не существует. На всех современных картах — Яндексa, Гугла, городских навигаторов — на этом месте зияет пустота. Там нарисован «пустырь под застройку». Но цифровой мир устроен иначе, Нат. Он помнит всё, что в него попало хотя бы раз. Он хранит тени.

Марк вывел на весь экран зернистую, пересвеченную фотографию. Она была сделана на дешевый смартфон года три назад, со сбитым фокусом и заваленным горизонтом.

— Это закрытый форум городских диггеров. Тема «Последние из могикан». Один парень снимал, как строительные краны империи Громова окружают старый Портовый район, превращая его в гетто.

На фото, среди гигантских штабелей бетонных блоков, ржавых арматур и бесконечных заборов из профлиста, горбила старая сталинка из потемневшего от портовой сырости красного кирпича. Она выглядела как обломок древней скалы, который чудом не раздробили гидравлические молоты. На втором этаже, в самом углу, было приоткрыто окно. Среди облупившейся белой краски деревянных рам на подоконнике отчетливо виднелась простая, треснувшая фаянсовая тарелка. А на ней — два ярко-красных, неестественно

сочных, почти вызывающих в этом сером индустриальном пейзаже яблока.

Натаниэль внезапно подался вперед, почти касаясь лицом экрана. Его «белый шум» под очками вспыхнул ровным, глубоким светом, входя в резонанс с изображением. Он не видел красного цвета, но он чувствовал частоту этой картинки.

— Яблоки... — прошептал он, и его голос завибрировал в унисон с гулом системного блока. — Это не те, что купил Дэн. Эти пахнут... очень долгим, терпеливым ожиданием. У них вкус соли и речной воды. И... Марк, я слышу ритм. Он идет от этого окна.

— Какой ритм, Нат? — Артем подошел ближе, его «индиго» теперь было сосредоточенным, плотным, как броня.

— Бусины, — Натаниэль прижал свободную руку к груди, там, где под рваной тканью худи билось его странное сердце. — Раз-два... раз-два... Это старые четки. Деревянные, выточенные из вишни, стертые до зеркального блеска её пальцами. Пятьдесят лет она перебирает их, когда ждет. Она... она не молится впустую, Артем. Она ведет счет секундам моей тишины. Каждая бусина — это вдох, который она делает за меня все эти годы. Она держит мою жизнь на этой тонкой нитке, чтобы я не улетел в пепел окончательно.

— Улица Речного Порта, дом пять, — Марк вывел на экран спутниковую карту, накладывая на неё текущие планы застройки Громова. — Квартира четырнадцать. Это абсолютный тупик. Громов выкупил все участки вокруг, он бук-

важно задушил этот дом своими стройплощадками. Там со всех сторон — трехметровые заборы, бетонные ежи и посты охраны с камерами на каждом столбе.

— Он создал для неё персональный концлагерь, — про-рычал Артем, и его кулак тяжело, с гулким звуком опустился на деревянный верстак. — Он просто ждет, когда она сдастся или... когда её сердце перестанет считать эти бусины. Чтобы залить этот последний клочок живой земли бетоном своего очередного «аквариума».

— Она в блокаде, — Майя подошла к монитору, вглядываясь в едва различимый за тюлевой занавеской силуэт женщины. — Громов окружил её лязгом техники, пылью и тишиной пустых квартир. Он выжил всех остальных соседей. Она там совсем одна, Нат. В самом центре его империи.

Натаниэль выпрямился. В своем новом черном худи и кроссовках он выглядел как современный подросток, но в его осанке была неподвижность гранитного изваяния из семьдесят четвертого года.

— Вы говорите «блоkada», — тихо сказал Нат, поворачивая лицо к выходу из гаража. — Но для неё это — единственный берег. Она стоит на самом краю этого стеклянного мира и ждет, когда моя музыка вернется с того берега реки. Она не сдастся. Она знает, что я иду.

Артем решительно захлопнул ноутбук, и звук этого сухого щелчка поставил жирную точку в их сомнениях.

— Значит, мы идем на прорыв. Марк, вбивай маршрут в

оффлайн-карты. Нам нужно проскочить через старую промзону, минуя центральные КПП Громова. «Танк» пройдет через заброшенные железнодорожные пути, если забор еще не успели заварить наглухо.

— Тём, там патрули частной охраны, — Кир быстро застучал по экрану смартфона, проверяя сводки. — Я чекнул частоты. Они мониторят периметр порта каждые двадцать минут. У них там тепловизоры и фиксация движения.

— Пусть мониторят, — отрезал Артем, надевая свою кожаную куртку. — Нат, надевай «броню». Сейчас начнется настоящий Гул. Стройка Громова орет громче, чем любой пожар. Тебе нужен акустический щит.

Илья молча, с какой-то торжественной серьезностью, протянул Нату беспроводные наушники. Он нажал на кнопку плеера. В ушах мальчика мгновенно вскипел «Революционный этюд» Шопена. Этот мятежный, штормовой звук, рожденный в другом веке, идеально отсекал все современные шумы.

— В машину! — скомандовал Артем.

Когда тяжелые, ржавые ворота гаража №42 медленно разошлись в стороны, впуская внутрь ослепительный, «колючий» свет полуденного солнца, Натаниэль шагнул на гравий уверенно, не глядя под ноги. Его подошвы больше не «пружинили» в неопределенности. Теперь это были его гусеницы, его способ дойти до цели. Они покидали гараж, превращаясь из «хранителей призрака» в отряд спасения.

Впереди был Портовый район — вымирающее сердце города, где время остановилось в ожидании последнего, решающего аккорда.

В гараже №42 воцарилась тишина, но на этот раз она не была свинцовой или мертвой. Это была тишина штаба перед затяжным прыжком. Марк не убирал пальцев от клавиатуры, его лицо, подсвеченное снизу холодным синим сиянием монитора, казалось маской бесстрастного бога-хронографа.

— Смотрите на наслоение слоев, — Марк вывел на экран совмещенную карту: старую топографическую съемку 1970-х и актуальный спутниковый снимок с наложенным планом застройки корпорации «Громов Девелопмент». — Видите этот аппендикс? Улица Речного Порта раньше была живой артерией. Здесь были магазины, сквер, школа №12. Сейчас Громов превратил её в слепую кишку.

Марк указал курсором на ярко-красный контур, который обволакивал дом №5 со всех сторон, кроме набережной.

— Это периметр безопасности стройплощадки «Отражение-Сити». Чтобы попасть к Анне, нам нужно пересечь три зоны отчуждения. Первая — старая промзона, там просто заброшенные склады и бродячие собаки. Вторая — зона логистики, где идут бетоновозы. Там стоят камеры с распознаванием номеров. И третья... самая сложная. Это «мертвая миля» непосредственно вокруг её дома. Там Громов выставил посты ЧОПа. Официально — для защиты от мародеров. Реально — чтобы никто не пронес этой женщине даже бу-

ханку хлеба без его ведома.

Натаниэль, который всё это время стоял, прижавшись плечом к холодному стеллажу, медленно поднял голову. Он не понимал слов «логистика» или «ЧОП», но он чувствовал, как Марк рисует в воздухе схему капкана.

— Он строит стену, — тихо произнес Нат. Его голос вибрировал от странного, резонирующего спокойствия. — Как в театре. Директор тоже строил стены из бархата и правил. Он говорил, что снаружи — хаос, а внутри — вечность. Но вечность не может пахнуть цементом, Марк. Вечность пахнет яблоками и пылью старых книг.

— Громов строит не стену, Нат. Он строит вакуум, — Марк поправил очки, в стеклах которых отразились красные линии запретных зон. — Он хочет, чтобы Анна Петровна почувствовала себя последним человеком на Земле. Чтобы тишина за окном стала такой невыносимой, что она сама отдала бы ему ключи и право на твою историю.

Артем подошел к верстаку и тяжело оперся на него руками. Его «индиго» начало искрить мелким, колючим напряжением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.